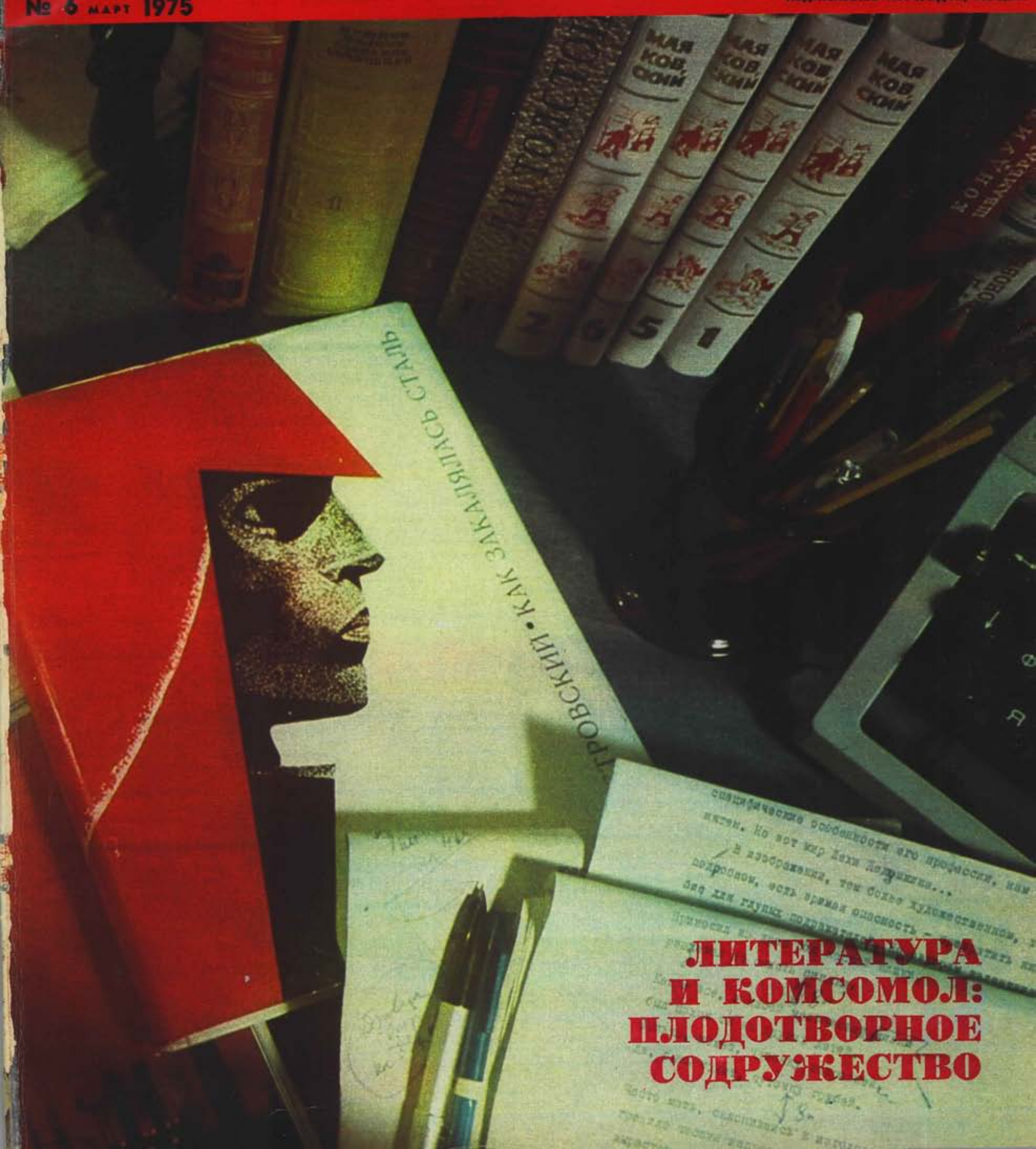

ОМЕНА

№ 6 МАРТ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

литература
и комсомол:
плодотворное
содружество

ЭТОТ НОМЕР
ЖУРНАЛА «СМЕНА»,
ВЫХОДЯЩИЙ В ПРЕДДВЕРИИ
VI ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ
МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ,
ПОСВЯЩЕН ПЛОДОВОМУ
СОДРУЖЕСТВУ КОМСОМОЛА
И ЛИТЕРАТУРЫ.

МНОГие ПОКОЛЕНИЯ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ,
ВОСПИТАННЫЕ ЛЕНИНСКИМ
КОМСОМОЛОМ
И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИЕЙ,

ПРОШЕДШЕ ШКОЛУ
ВСЕСОЮЗНЫХ СОВЕЩАНИЙ
МОЛОДЫХ,
ДОСТОЙНО НЕСУТ ЭСТАФЕТУ
ВЫСОКОЙ ИДЕЙНОСТИ,
МАСТЕРСТВА,
ПРЕДАННОСТИ ИДЕЯМ
КОММУНИЗМА.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ —
ДОСТОЙНЫЙ ГРАЖДАНИН
СВОЕЙ РОДИНЫ,
АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК
СОЗДАТЕЛЬНОГО ТРУДА,
БОЕЦ ПЯТИЛЕТОК.

ОБ ЭТОМ РАССКАЗЫВАЕТ
«СМЕНА»...

ПЛОДОТ

Наша литература и искусство — плоть от плоти героического советского народа. Они росли, мужали и совершенствовались вместе с нашей страной, достигли выдающихся высот...

С трибуны комсомольского съезда хочется пожелать больших успехов молодым писателям, художникам, композиторам, творческим работникам театра и кино. Мы ждем от них новых творений. И это будет их неоценимый вклад в наше общее дело и прежде всего в дело коммунистического воспитания советской молодежи.

Комсомолу наша партия желает еще более крепить традиционные дружбу и сотрудничество с деятелями советской литературы и искусства, еще активнее использовать их творчество в интересах коммунистического воспитания молодежи...

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из речи на XVII съезде ВЛКСМ

1947 год и год 1975-й.

Между двумя этими датами лежат двадцать восемь лет. Много это или мало — двадцать восемь лет? Пожалуй, в любом измерении — много. В плане ли человеческой жизни — за такой срок человек формируется в активную, зрелую личность, в плане ли историческом — в бурное наше время, в век НТР, не то что каждый год, каждый день, насыщенный энергией созидания, превращается в важный временной период... Да, двадцать восемь лет — огромный срок, если даже брать время абстрагированно. Для нашей же страны конкретные двадцать восемь лет — это время огромное, важнейшее.

Послевоенные годы были отмечены колоссальным напряжением сил. Еще не просохла земля на могилах славных сынов Отечества, отдавших жизнь в боях за Родину. Еще не разровняли бульдозеры руины разрушенных городов. Еще не разгладил пахарь военные шрамы на лице прекрасной советской земли.

Много, казалось, было забот у страны — построить дома для тех, кто потерял кров, пустить новые заводы, наладить ритм жизни, о котором люди той поры мечтательно говорили: мирной. Да, дел было много — перестроенных, архиважных. Поэтому некоторые, пожалуй, могли отнести I Всесоюзное совещание молодых писателей к разряду дел третьестепенных, которые можно было бы отложить и до лучших времен. Вполне допустимо, что такой взгляд мог быть у кого-то в ту пору. А вот ныне, спустя двадцать восемь лет, из дали времени, видишь с особой очевидностью, насколько ошибочен был такой взгляд, как прозорливо поступила партия, поддержав идею созыва совещания молодых писателей, какой неизмеримый вклад в будущее внесли организаторы совещания.

Минувшая война не только нанесла ущерб — материальный, экономический, нравственный. Не только уничтожила города и деревни. Она унесла тысячи талантов. Музыкантов, актеров, живописцев, поэтов. Тех, кто уже творил, и тех, кто не успел сделать этого, как не успели построить свои дома талантливые каменщики, не успели построить свои магистрали одаренные инженеры, обогатить знаниями своих учеников выдающиеся учителя.

Те, кто не успел создать, успели все же главное — стать солдатами, защитить Родину. Это и было их главным творчеством.

В славный год тридцатилетия нашей Победы особо важно подчеркнуть то важное обстоятельство, что именно через два года после войны было создано I Всесоюзное совещание молодых писателей: партия призвала восстановить не только города и села, но и восстановить урон, нанесенный войной культуре, литературе. Теперь же, с позиции сегодняшнего дня, важно подчеркнуть еще одно: это была забота о завтрашнем дне литературы. То есть о дне сегодняшнем.

Сергей Наровчатов, Семен Гудзенко, Михаил Дудин, Владимир Солоухин, Василий Федоров, Александр Межиров, Юлия Друнина, Михаил Луконин, Вероника Тушнова, Алексей Недогонов, Сергей Орлов, Платон Воронько, Мустай Карим, Сильва Капутикян, Михаил Львов, Николай Старшинов, Николай Доризо, Дебора Вааранди, Владимир Тендряков, Юрий Трифонов, Сергей Баруздин, Анатолий Алексин...

Это лишь часть списка участников. I Всесоюзного совещания, часть очень малая. И в то же время какой огромный пласт современной советской литературы стоит за этими, ныне широко известными именами! Второе совещание, 1951 год...

Юрий Бондарев, Отар Челидзе, Евгений Винокуров, Анвер Бикчентаев, Даниил Гранин, Николай Шундик, Михаил Алексеев, Миколас Служцис, Виктор Розов...

Третье, 1956 год...

Ояр Вацетис, Юстинас Марцинкявичюс, Дмитро Павлычко, Роберт Рождественский, Виль Липатов...

Четвертое, пятое...

И вот мы накануне шестого по счету, ставшего уже традиционным, Всесоюзного совещания молодых.

Время обладает одним качеством, с одной стороны, грустным, а с другой стороны, прекрасным. Молодые со временем становятся старше. Но с возрастом приходит и умение, мастерство. Сохранить сердечный жар молодости, соединив его с опытом, мастерством, — задача важная для любого человека. Для писателя же это еще и вопрос творчества.

Оглядывая списки бывших молодых (пусть не обидятся на нас маститые писатели), а ныне всенародно признанных мастеров, можно с уверенностью сказать: комсомол гордится, что через его творческую «мастерскую», через совещания молодых писателей прошла лучшая, талантливейшая часть советской литературы, верно служащая идеям партии, советского народа.

Александр Фадеев, говоря о влиянии комсомола на свое творческое становление, подчеркивал: «Первое, начальное представление о великих коммунистических идеях нашей партии многие из нас, советских писателей, получили через комсомол». Перекликается с его словами мысль Николая Островского. «Меня часто спрашивают, — писал он, — как я стал писателем. Этого я не знаю. Но как я стал большевиком — это я знаю хорошо».

В этих высказываниях как бы сконцентрирована мысль о первооснове творчества советского писателя.

ВОПРОСЫ

Первооснова эта — идейная убежденность, верность идеалам партии.

Школу комсомола, которую проходит молодой писатель, нельзя недооценить. Комсомол приобщает будущего литератора к общему участию в борьбе за идеалы коммунизма. Сопровождения же молодых писателей, которые проводятся в тесном сотрудничестве ВЛКСМ и Союза писателей, приобретают еще одно важное свойство: совещания становятся школой воспитания молодого художника, сегодняшнее и дальнейшее творчество которого комсомол рассматривает как действенное, массовое средство воспитания новых и новых поколений молодежи. Таким образом, нельзя не заметить своеобразную диалектику: молодой человек, выросший в комсомоле и ставший писателем, становится активным помощником Ленинского комсомола.

Яркий пример тому — жизнь и творчество молодого писателя Владислава Титова. В прошлом шахтер, он совершил подвиг, спасая шахту и товарищей, после тяжелой операции остался без рук. Воспитанный в героических традициях комсомола, поддерживаемый товарищами, Владислав Титов взялся за перо. Первая его, во многом автобиографическая, «исповедальная» повесть «Всем смертям назло», опубликованная журналом «Юность», вызвала волну не только читательского, но и человеческого интереса: за прозой стояла жизнь и выстраданная автором беда. Книга воспитанника комсомола обрела самостоятельную силу. Переведенная на многие языки народов СССР, удостоенная премии имени Николая Островского, повесть Владислава Титова вошла в арсенал боевых средств комсомола.

Многие молодые писатели — общественно активные люди. Это не отстраненные свидетели происходящего, но граждане своего Отечества, не только пером, но и всей своей жизнью участвующие в жизни общества.

В прошлом году свердловский писатель, участник IV Всесоюзного совещания, Владислав Крапивин был удостоен премии Ленинского комсомола. Крапивин не только хороший детский писатель. Он еще и бессменный командир самодетельного детского клуба «Каравелла», автор любопытнейшего педагогического эксперимента. Слов нет, общественная инициатива Владислава Крапивина оборачивается на пользу его творчеству — каждодневное общение с ребятами, членами клуба, не может не обогащать, не может не предлагать новых ситуаций, переходящих затем в книги этого автора. Но его клуб, помимо всего прочего, еще и помощь комсомолу Свердловска —

помощь практическая, осязаемая, необходимая.

Быть членом нашего общества — это значит быть активным его работником. Эта мысль не может быть незначительной для литератора. Сама специфика его труда такова, что он не может быть равнодушен к окружающему его миру. Иначе он не писатель.

Истина эта воплощается многими и многими.

Молодые иркутские писатели, к примеру, стали инициаторами выпуска книги очерков о комсомольских пропагандистах, попытались разобраться в этой нелегкой и кажущейся на первый взгляд довольно скучной общественной работе, попытались разобраться и хорошо поагитировать за нее. Иркутяне подают пример того, как нужно нести эстафету заботы о молодых. Валентин Распутин, Вячеслав Шугаев, Геннадий Машкин, Дмитрий Сергеев, выдвинутые, поддержанные в свое время Читинским зональным совещанием молодых литераторов, хорошо, по-товарищески, но в то же время и предельно требовательно помогают своим более молодым коллегам. И рядом с ними выросла целая плеяда новых имен.

Писатели активно откликаются на призыв комсомола быть ближе к своим молодым героям. Уже рождаются, пока, правда, публицистические, книги о важнейших стройках девятой пятилетки, о КамАЗе и БАМе, о молодых нефтяниках Тюмени, о новых городах, которые рождает наше время. Нельзя, к примеру, не приветствовать инициативу редколлегии библиотеки «Молодая проза Сибири», издаваемой по решению ЦК ВЛКСМ и Госкомиздата РСФСР. Последний, пятидесятый том этой библиотеки, выпускаемой Западно-Сибирским книжным издательством уже ряд лет, будет составлен из публицистических очерков молодых писателей о важнейших комсомольских стройках в Сибири. Название сборника — «Созвездия Сибири» — очень четко отражает смысл книги: создать картину героического труда молодежи в Сибири, труда, создающего истинное созвездие этого удивительно края.

Кстати, библиотека «Молодая проза Сибири» представляет собой уникальное явление в нашей литературной жизни.

Родившаяся в ходе совещаний молодых писателей, эта библиотека в пятидесяти томах как бы является постоянно работающим семинаром сибирских молодых прозаиков. В рамках библиотеки существуют коллективные сборники рассказов и повестей — здесь место представлено тем, кто еще не может выступить с самостоятельной книгой, но чье творчество тем не менее представляет

интерес. Эти предварительные публикации часто завершаются самостоятельными томами. Так, кстати, было с талантливым, ярким прозаиком Валентином Распутиным.

В 1976 году библиотека завершает своим пятидесятым томом. Небезынтересно заметить: сорок девятый том ожидает своего «хозяина». Его «владельцем» станет наиболее талантливый участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей, творчество которого посвящено труду молодежи в Сибири. Издать книгу в этой серии почетно еще и потому, что библиотека «Молодая проза Сибири» является, по существу, коллективным собранием сочинений молодых писателей, посвятивших свое творчество Сибири.

Плодотворность сотрудничества комсомола и писателей, ЦК ВЛКСМ и Правления Союза писателей СССР особенно очевидно выражается именно в совещаниях молодых писателей. Семинарские занятия прозаиков, поэтов, драматургов, критиков, литераторов, посвятивших свое творчество детям и юношеству, проходят в обстановке, где воедино слились высокая идейность и высокий профессионализм.

Нечего греха таить, иные семинарские разъезжаются с совещаний с синяками и шишками. Но критика, особенно критика, основанная на высоком профессионализме и доброжелательности, никогда не принесет вреда талантливому литератору. Синяки да шишки оборачиваются повышенной требовательностью к себе, требовательностью, дающей новые произведения, написанные на качественно ином уровне. Известное постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» имеет самое непосредственное отношение и к молодым писателям и к критике, занимающейся их творчеством. Человек, взявшийся за перо, не должен ждать скидок «на начало».

В последние годы для молодых писателей сделано немало. Созданы специальные серии «Молодые писатели» в издательстве «Молодая гвардия», там же выходит антология «Мы — молодые». Издательство «Современник» учредило серию «Первая книга в столице». Автора первой книги ищут издатели, он встречается, что греха таить, порой с большим интересом, нежели автор второй или третьей книги. И тут может возникнуть своеобразная «мертвая полоса». Если новичка с рукописью первой книги встречают в издательстве очень доброжелательно, то приход того же автора со второй или третьей книгой вызывает иногда меньший энтузиазм, потому что бытующая еще кое-где «галочка» — первая книга — тут уже неприемима. Полоса от первой книги до второй порою стано-

вится затянутой для молодого писателя.

Впрочем, тут не может быть однозначного подхода для всех и каждого. Писатель — это прежде всего индивидуальность. Известно, что одну книгу написать может в наше время почти любой. Так что вторая, третья книга — это доказательство внутренних, творческих возможностей автора. И если вторая книга не «вытанцовывается», вряд ли нужно издателям тащить ее «за уши». Не лучше ли честно и прямо сказать автору о его возможностях. Однако и тут не может быть рецептов. Творчество — сложнейший и индивидуальнейший процесс, и история литературы знает немало случаев, когда талант художника раскрывался по-настоящему уже в зрелые годы.

Что дают совещания молодых писателей?

Видимо, прежде всего надо ценить в них тот высокий уровень требовательности, идейной и художественной, который необходим писателю, особенно в начале его творческого пути. Индивидуальность творческого процесса — главная особенность художественной литературы. В индивидуальной работе писателя важнейшую роль играют критерии, существующие в нем. Заложить эти критерии должны старшие художники, настоящие мастера. От высоты этих критериев зависит дальнейший путь художника. Вот закладка этих критериев и есть главный смысл совещаний молодых.

Недавно ЦК ВЛКСМ принял постановление о праздновании 70-летия со дня рождения Михаила Александровича Шолохова. Вновь и вновь пионерские, комсомольские организации обратятся к творчеству этого выдающегося художника современности, чтобы почерпнуть из него высочайшие образцы идейности, партийности, коммунистичности, художественности. Для молодого писателя творчество Шолохова, Фадеева, Островского, творчество выдающихся современных советских писателей может служить примером самоотверженного служения партии и народу.

Высокая идейность и художественность — вот два краеугольных камня, на которых стоят лучшие образцы советской литературы. Доказательством прочности этой основы служит вся наша многонациональная советская литература. Лучшая часть ее, как уже подчеркивалось, прошла школу совещаний молодых.

Этот номер «Смены», в котором показана ретроспектива совещаний, где обобщен опыт работы этой школы мастерства и идейности, и доказывает прочность сплава: идейность и мастерство. Плодотворность этого сплава. Плодотворность союза комсомола и литературы.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 6 [1148]
МАРТ
1975

Обложка работы Василия МИШИНА
и Григория ТЕРЗИБАШЬЯНЦА.

4
Михаил АЛЕКСЕЕВ,
МЫ ВЫШЛИ ИЗ ПЛАМЕНИ
ВОЙНЫ.

12
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.
ОЧЕРК О МОЛОДЫХ
РАБОЧИХ ВСЕСОЮЗНОЙ
КОМСОМОЛЬСКОЙ
СТРОЙКИ.

20
Анатолий АЛЕКСИН.
ВОССТАВИМ
ПОДВИГ КОМСОМОЛА.

28
ИЩУ ГЕРОЯ —
ИЩУ СЕБЯ.
ЖИЗНЬ ИРКУТСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

МОЛОДОЙ ГВАРДЕЕЦ ПЯТИЛЕТКИ: Я — СЛЕСАРЬ

ОПЕРАЦИЯ «ДОЛГ». ЗАБОТА МОЛОДЕЖИ
ЕЛЬНИ О ВЕТЕРАНАХ ВОЙНЫ

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ. ОЧЕРК ИРИНЫ ОВЧИННИ-
КОВОЙ О НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
СТАРШИХ ПЕРЕД МЛАДШИМИ

Заместитель главного редактора В. В. ЛУЦКИЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответствен-
ный секретарь], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Ряб-
чиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [глав-
ный художник], Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Л. И. Курлыкова

Главная задача советской литературы со-
стоит в том, чтобы во всю силу пока-
зать нашего советского человека, его
новую мораль, его духовное богатство,
его величайшую идейность и даже про-
сто его организаторские преимущества
перед людьми старого мира.

Именно изображение человека нового, социа-
листического общества и отличает советскую ли-
тературу от всякой иной.

Нам нет надобности изображать какого-то вы-
думанного человека. Наш сегодняшний реальный
герой несет в себе многие черты человека буду-
щего. Поэтому, изображая передового советского
человека, показывая его в развитии, во всем мно-
гообразии его лучших качеств, мы с максимальной
полнотой раскрываем и его истинную чело-
веческую сущность.

Когда мы ставим перед собой задачу опреде-
лить пути развития нашей литературы, очень
важно остановиться на том, что мы наследуем.
Предшественники советской литературы — это
великие классики России, великие гуманисты
Пушкин, Некрасов, Толстой, Чехов, Горький...
Потому что в центре внимания классики, и
прежде всего русской классики, всегда стоял
человек.

Старый классический реализм, как русский, так
и западноевропейский, Алексей Максимович
Горький определил как критический, то есть та-
кой реализм, остротой которого было направлено
главным образом на критику капиталистического,
эксплуататорского строя во имя интересов народа.

Но русская литература, прославившаяся своим
критическим реализмом, была одновременно и
романтической. Это объясняется тем, что ее всег-
да оплодотворяло освободительное движение
народа с его поисками счастья и справед-
ливости.

1947 год. I Всесоюзное совещание МОЛОДЫХ писателей.

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ I ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Платон ВОРОНЬКО, лауреат
Государственной премии
СССР и Государственной
премии УССР имени Т. Г.
Шевченко:

— Первое Всесоюзное со-
вещание молодых писателей,
состоявшееся в 1947 году,
стало уже историей. Прошло
почти тридцать лет. Сейчас
многие из участвовавших в
совещании стали широко из-
вестными писателями, без
которых трудно представить
советскую литературу. Это
и русские поэты С. Наров-
чатов, М. Луконин, М. Дудин
и многие другие. Это укра-
инские писатели О. Гончар,
Б. Чалый, литераторы дру-
гих республик. Первое совеща-
ние было знаменательным
потому, что на него собра-
лись люди, молодые по воз-
расту, но с громадным жиз-
ненным опытом, прошедшие
войну, видевшие страдания,

смерть, победу. Они знали то
главное, что должен пове-
дать миру художник. Поэто-
му их стихи и сборники ста-
ли открытием, откровением
и не только для мастеров
слова, но даже и для них
самых.

Мне довелось в те годы
быть ответственным секре-
тарем комиссии по работе с
молодыми писателями. Как
руководитель семинаров на
II и III совещаниях, могу
сказать, что они логически
продолжали первое. Моло-
дые литераторы пришли
уже со своими темами, обна-
женно говорили об опален-
ном войной детстве, об от-
цах, не вернувшихся с фрон-
тов Великой Отечественной.

Мне и сегодня приходится
много работать с начинаю-
щими авторами. Уже не-
сколько лет подряд один из
лучших украинских жур-
налов, «Дніпро» предosta-
вляет свои страницы моло-
дым. В каждом номере мо-
лодежного журнала можно уви-
деть первые публикации. На-
путствовать молодых — за-
нятие не только приятное,
но в первую очередь чрезвы-
чайно ответственное. Думаю,
не ошибусь, если скажу, что
сегодня многие произведе-
ния молодых литераторов
написаны на высоком про-
фессиональном уровне. Но,
к сожалению, из общего по-
тока трудно выделить авто-
ров самобытных, неповтори-
мых, ярких. Верится, что
после нынешнего совещания
в Москве мы узнаем о но-
вых именах. Верится, ибо
наша страна никогда не оску-
девала талантами.

Чем я был занят в послед-
нее время? На украинском
языке издан двухтомник мо-
их произведений; в изда-
тельстве «Художественная
литература» вышел сборник
«Песня ветерана», а в «Дет-
ской литературе» — «Четыре
ветра». Сейчас готовлю две
новые книги: «Всем — по
семье» — для детей и «Сдвигь-
земля», посвященную 30-ле-
тию Победы.

Интервью с участниками совещаний подготовила Роза СЛАФАРОВА.
Фото Николая КОЧНЕВА.

Александр ФАДЕЕВ: "Высокая партийность, величайшая идейность"

Русскому классическому реализму были присущи традиции изображения положительного, но беда состояла в том, что и наш русский классический реализм не увидел героя там, где он был в реальной действительности.

Собственно, Горький первый показал революционера. Горький первый из классиков России сумел изобразить положительного героя, именно того, который и был самым передовым и действительным началом в истории. Именно поэтому Горький стоит на рубеже между литературой классической и литературой социалистического реализма. Он своей сильной рукой как бы принял от старого гуманизма его знания и передал их нам в руки. И мы развиваем этот гуманизм на новой основе, тоже заложенной Горьким. Мы изображаем нашего нового человека — творца истории, создателя и своей жизни и своего государства, носителя величайших в истории человечества освободительных идей.

У нас, советских писателей, есть величайшее преимущество по сравнению с великими классиками: в нашей реальной действительности есть положительный герой, которого не было и не могло быть раньше. Поэтому все лучшее, что создала советская литература, отличается прежде всего положительным началом. Поэтому и живут такие произведения, как «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Хождение по мукам» Толстого, «Как закалялась сталь» Островского.

Я должен сказать, что наша литература является новаторской литературой. Возьмите, например, «Клима Самгина» Горького. Это необыкновенная вещь по своей художественной структуре. Посмотрите, как необычно по форме произведение Толстого «Хождение по мукам», как оригинально построение поэмы Твардовского «Василий Теркин». Есть наивные люди, которые думают, что это какая-то стихийная форма. Ничего подобного. Это именно та форма, которая была необходима Твардовскому, и он сделал ее исключительно искусно...

Можно назвать немало новаторских вещей и в области нашей драматургии...

Таким образом, не нужно приbedняться. Нужно помнить, что наша советская литература — новаторская литература. Ее новое содержание рождало и рождает новые многообразные формы.

...Нашей литературе, всем нам необходимо как можно более тесно быть связанными с современностью.

Надо прямо сказать, что, если бы нам удалось наших писателей, от самых молодых до самых крупных, повернуть лицом к нашим предприятиям, к нашей колхозной деревне, к рабочему человеку, к нашей школе, к жизни интеллигенции, — наша литература неизмеримо шагнула бы вперед.

Когда я был молодым человеком и вступал в революционную деятельность, для меня само

слово завод звучало как музыка. Когда в условиях подполья, действовавшего против колчаковских банд, я впервые попал в среду рабочей молодежи, я был взволнован самой рабочей обстановкой. Я смотрел, как ловко управляют рабочие с орудиями труда, и завидовал им. Потому что в этом есть величайшая поэзия, есть нечто величественное. Наше огромное упущение в том, что мы до сих пор не поэтизировали производство.

...Товарищи, наша литература является передовой, но это вовсе не означает еще, что все мы хорошо работаем в своей области. Каждый писатель должен постоянно совершенствоваться, чтобы сделать свое произведение лучше, еще лучше. Как говорил французский живописец Дега: «Если у тебя таланта на 100 франков, прикуп еще на 500». А это дается только трудом...

Публикация Андрея БАТАШЕВА (Центральный архив ВЛКСМ)

Сильва КАПУТИКЯН, лауреат Государственной премии СССР:

— Год первого совещания молодых писателей — 1947-й был для меня нелегким. Мои стихи тогда ругали за камерность, а меня обвиняли во всяческих «лирических» перегибах... Слов нет, критика — вещь полезная и нужная, но все, как говорится, хорошо в меру...

Вот в таком состоянии полной подавленности и неуверенности в себе я пришла в первый раз в Москву, на то памятное совещание. К этому времени на русском языке вышел первый сборник моих стихов. Помню, как их читали, обсуждали товарищи по группе. А группа у нас была сильная и хорошая — Вероника Тушнова, Семен Гудзенко, Сергей Наровчатов, Михаил Луконин... Мои стихи понравились моим новым друзьям, началась дружба, которая продолжается до сегодняшнего дня. К сожалению, беспощадное время увело уже некоторых из них... Никогда не забыть мне большого дыхания Москвы, увиденной тогда тоже впервые. Вскоре в Москве я нача-

ла учиться на Высших литературных курсах при Литературном институте имени А. М. Горького. Незабываемое ощущение великой столицы, новые знакомства, контакты, друзья дали тему книге «Мои родные», которая была в 1952 году удостоена Государственной премии СССР.

Кроме стихов, пишу прозу. В 1963 году я ездила на Ближний Восток. В результате появилась книга: «Мои путевые заметки и «Караван еще в пути» — о жизни моих сородичей-армян в дальних странах.

В прошлом году была в Канаде и Америке. И вот уже целый год работаю над книгой, подсказанной этими поездками.

Что пожелать участникам VI Всесоюзного совещания молодых писателей? Чтобы активнее, яростнее они вмешивались в нашу кипучую жизнь, так, как это делало мое поколение. И главное, жить интересами страны, нашего сложного и прекрасного времени.

Михаил ЛЬВОВ, лауреат комсомольской премии «Орленок» (Челябинский обком комсомола):

— Для всех нас, бывших его участников, первое сове-

щение молодых писателей было жизненно важным и определяющим. Совещание 1947 года, совпавшее с началом мирной эпохи в нашей стране, было и началом нового волнующего этапа в жизни каждого из нас: что-то мы сделаем в литературе? Как нас примет читатель? Сможем ли честно и правдиво говорить от имени своего поколения, своего народа?

На этом совещании нас встретили писатели, которых мы любили, знали, которым поклонялись, но с которыми так близко общаться еще не приходилось. — Алексей Сурков, Николай Тихонов, Александр Твардовский, Константин Симонов, Всеволод Вишневский и другие...

Молодые, задорные, мы заново открывали и друг друга... Без конца говорили о жизни, о победе, о нашем будущем... И круглосуточно читали друг другу стихи... Стены гостиниц, Союза писателей и ЦК комсомола буквально гудели от наших сильных, молодых голосов...

В дни работы совещания Сергеем Наровчатовым, Платоном Воронько и мною было внесено предложение по созданию комиссии по работе с молодыми авторами. Это ходатайство было поддержано, комиссия была создана. Председателем ее стал Александр Твардовский. Прошло почти 30 лет. Имена многих из тогдашних участников совещания ныне составляют гордость советской литературы. И сейчас можно сказать, что это совещание помогло выйти на большую дорогу литературы многим из нас...

В прошлом году в издательстве «Молодая гвардия» вторым изданием вышла моя книга о жизни моего поколения — «Письмо в молодость». Скоро новая книга выйдет и в издательстве «Современник». А на рабочем столе новая работа — «Лицо души».

Иосиф НОНЕШВИЛИ, секретарь правления Союза писателей Грузии:

— Всякий раз, когда я узнаю, что литературная молодежь съезжается в Москву на Всесоюзное совещание молодых писателей, я снова испытываю волнение, словно это мне самому предстоит принять участие в I Всесоюзном совещании молодых в 1947 году.

Возможно, это происходит не только потому, что я с понятным волнением вспоминаю нашу юность, но и потому, что каждое такое совещание проходит под знаком пристального внимания и ожидания: какие новые имена займут важное место в сегодняшнем литературном процессе, что представляет собой новый полк, новая литературная воля молодых?

Я хорошо помню, как мы собрались в столице, большинство из нас тогда еще не сняли военной солдатской шинели. Мы принесли с собой не только поэтический всплеск юной души, — за плечами нашего поколения стоял опыт борьбы, опыт потерь и побед на фронтах Ве-

ликой Отечественной войны. И, несмотря на всю жестокость и ужасы войны, мы вынесли из огня и пожара живые человеческие души. В те дни мы все с особым чувством повторяли строки своего сверстника, поэта-фронтовика М. Луконина:

«Но лучше прийти с пустым рукавом, Чем с пустою душой».

Я был участником семинара, которым руководил Павел Григорьевич Антокольский. Мы слушали отрывки из поэмы А. Недогонова «Флаг над сельсоветом», мужественные строки С. Гудзенко, М. Дудина, С. Орлова, С. Наровчатова, произведения М. Максимова, С. Баруздина, В. Тушиновой, М. Львова.

А сколько радости дарило нам ощущение нашего братства, любви, взаимопонимания! Мы переводили стихи друг друга.

Не знаю, возможно ли это (вероятно, все зависит от таланта?), но мне хотелось бы, чтобы нынешние молодые вошли в литературу поступью еще более уверенной и яркой.

Участники шестого Всесоюзного совещания молодых, талантливые грузинские поэты приносят сегодня свое глубокое национальное миропонимание, но это в то же время миропонимание молодых поэтов Советской страны.

Меня радует та серьезность и вдумчивость, с которой они смотрят на время, та активная гражданская позиция, которую занимают они, нравятся их неискоренимое чувство советского патриотизма и кровное единство со всем советским народом, со своими сверстниками — молодыми строителями, рабочими, колхозниками, студентами. Впрочем, это естественно, ибо и сами они идут в литературу с колхозных полей, из заводских цехов и университетских аудиторий.

МЫ ВЫШЛИ

Михаил АЛЕКСЕЕВ, лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького, главный редактор журнала «Москва», участник II Всесоюзного совещания молодых писателей, отвечает на вопросы «Смены»

4 СМЕНА

Шреже чем говорить о литературе, Михаил Николаевич, хотелось бы поговорить о жизни. Ведь общезвестно, что писателя рождает жизнь, виденная им, прожитая им, выстраданная им. Другое дело, что не каждый человек способен передать сознаваемое и прожитое им на бумаге: для этого нужен талант, дарование и еще многое другое, составляющее, так сказать, фундамент писательской личности. И все-таки писатель начинается с жизни, с овладения ее опытом. Писателя рождает, выдвигает жизнь — можно сформулировать и так, не правда ли!

— Невозможно представить литератора, не знающего жизнь. Ведь сами понятия — литература и жизнь — сопряжены между собой. Знание жизни — это первое условие создания художественного произведения. И я согласен: да, писателя выдвигает жизнь, выдвигает из массы человеческих индивидуальностей.

Меня, как писателя, родила война. Мои повести «Солдаты», «Дивизионка», более поздняя «Биография моего блокнота» и ряд других вещей вынесены из войны. Сейчас, в год тридцатилетия великой нашей Победы, не могу не сказать о вечной и благодарной памяти нашего народа, о стой-

кости тех, кто на своих плечах вынес тяжесть войны, кто освободил мир от фашизма. Не зря в нашей советской литературе столь сильно звучит так называемая военная тема. Литература о войне — это часть великого явления, называемого народной памятью.

— Нынешний год, год предыдущий, Михаил Николаевич, были отмечены многими юбилеями. Имеются в виду юбилеи личные. Люди, которым в сорок первом едва стукнуло семнадцать лет и кто в тот же час надел солдатскую шинель, отмечают теперь уже свое пятидесятилетие. Среди людей этих — людей разных профессий — есть и писатели. Юрий Бондарев, Виктор Астафьев... Этот ряд можно продолжить. Если говорить об этом поколении, то, надеюсь, не будет большой поддержкой сказать, что с войны началась их, так сказать, личная судьба.

— Война с точки зрения времениго исчисления действительно отходит в прошлое. За три десятилетия, прошедших со Дня Победы, родились многие и многие поколения людей, не знавших войны. И это уже не только молодежь. Вряд ли назовешь молодым тридцатилетнего человека... Идет время, уходят ветераны, и на плечи тех, кто остается, — а особенно писателей! — ложится, если хотите, двойная, тройная нагрузка.

МЗ ВОЙНЫ

Писатели, посвятившие свое творчество войне, вновь и вновь берутся за неиссякаемую тему народного подвига, чтобы дать новым поколениям пищу для ума и сердца, чтобы сделать в сердцах тех, кто не ведал войны, бессмертные заметы.

Что касается судьбы, то это верно: люди, шагнувшие в войну совсем мальчиками, взяли на себя ответственность за свободу Родины. Многие их сверстники не дошли до Победы. Надо ли удивляться той страсти, той приверженности, с которой многие писатели верно служат одной, избранной ими теме — теме войны. Война и подвиг народный всегда будут привлекать внимание литераторов. И не только тех, кто знает войну по собственному, личному опыту. Думаю, войну и победу нашу не забудут и писатели грядущих десятилетий, те, кто войны не знал.

— Среди ваших книг, Михаил Николаевич, много вещей, посвященных совсем другой, «деревенской» теме. «Хлеб — имя существительное», и «Вишневый омут» и «Карюха», и «Ивушка неплакучая». Не вызывает сомнения, что эти произведения — отражение другой, невоенной части вашего жизненного опыта. Расскажите об этом...

— Родился я в крестьянской семье, в Поволжье, конкретнее, в селе Монастырском нынешнего Калининского района Саратовской области. Тридцатые годы памяты тем, кто знает их, страшным голодом в Поволжье. Отец и мать у меня померли, братья и сестра разъехались, я остался один. Доил корову, пек хлебы да и в школе учился. Потом кончил техникум... «Карюха», скажем, очень автобиографична. Да и во многих других повестях элемент автобиографии значителен... Я сказал, что на войне я родился как писатель. Это не значит — писатель только военной темы. Человек пишет о том, что прожил и знает. Я против деления на «военных» писателей, на «деревенщиков». Писатель рассказывает о человеке. Кто такой солдат на войне? Профессиональными военными — да и то не всегда — были офицеры. А солдатами — вчерашние рабочие, крестьяне... Кончилась война, и те, кто победил,

вновь вернулись к своей работе... Так что, возвращаясь к моим книгам, могу сказать: «Вишневый омут» или «Ивушка неплакучую» можно полагать своеобразным продолжением «Солдат» или «Дивизионки» и наоборот. Для меня все мои повести, все мои «дети» не только равно дороги, они равны в главном — в человеческой судьбе героев...

— Вы прошли «школу» Сталинграда, Михаил Николаевич, а для многих читателей «Смены», да и для всех, пожалуй, участников очередного VI Всесоюзного совещания молодых писателей, максимальный возраст которых тридцать лет, «возраст» нашей Победы, слова эти — Сталинград, Сталинградская битва — звучат, можно сказать без преувеличения, легендарно.

— Я был участником сражения под Сталинградом от первого до последнего дня. Командовал минометной ротой, был секретарем комсомольского бюро полка.

Что значило тогда быть комсоргом? Тогда работа одна: ни шагу назад, чуть позже — только вперед! Речей комсорги не говорили, поднимались в атаку первыми. Комсорг был обязан быть впереди, на передовой.

Позже я назвал свой первый роман «Солдаты». Мне хотелось, чтобы моим главным героем был солдат, который на своих плечах вынес всю тяжесть войны. Хочу заметить, правда, что солдат в нашем представлении сейчас трактуется широко: разве не был солдатом маршал, на которого ложилась тяжесть ответственных решений?.. Солдата нашего узнал я хорошо именно под Сталинградом. Сколько судеб, сколько героев родило это сражение! Сколько мужества проявил наш человек в этой решающей схватке прошедшей войны!

У человека не может быть двух дней рождения. У меня же, как и у многих «сталинградцев», два таких дня. Первый раз я родился, как все люди рождаются, второй раз родился под Сталинградом.

Мои минометы стояли на Лысой горе. Это юго-западная окраина города. Можно бесконечно го-

ворить о той поре. Скажу лучше о сегодняшнем свидетельстве прошлого. Года два назад, кажется, была в тех местах засуха, сухой выдул верхний слой почвы, и обнажились страшные посевы войны — земля ошетижилась осколками, которые в ее теле хранились. Волгоградские пионеры прислали мне печальный подарок — корзину тех осколков.

Еще одна деталь. Рядом с моим блиндажом на той Лысой горе росла яблонька, и чудом она уцелела. В позапрошлом году приехал я на Лысую гору, подошел к яблоньке, присмотрелся к ней и вытащил из-под ее коры осколок. Завернул его в платок, привез дочерям в Москву. «Смотрите, — говорю, — вот этот осколок целился в вас». «Как в нас?» — опешили. «Подумайте. Подумали. Поняли.

А сколько будущих людей скосили в ту пору осколки и пули! Сколько молодых людей не родилось, не живет, никогда не смогло на свет появиться... Вот бы о чем надо помнить тем, кого война не коснулась да и не могла коснуться уже по одному только сроку их рождения...

— Вам, фронтовику, должно быть особенно близко все, что связывает поколения людей, прошедших войну, с теми, кто этой войны не знал, с нынешней молодежью... Что вы можете сказать, к примеру, о Всесоюзных походах молодежи по местам боевой славы отцов, о нравственных уроках таких походов, о преемственности духовных подвигов в сердцах молодых людей — ведь подвиги фронтовые нельзя не рассматривать как проявление высочайшей духовности...

— Никакой урок — как ни был он хорош и как ни был великолепен учитель — не оставит того следа, который, как я думаю, оставил в сердцах волгоградских школьников день, когда они пришли на Лысую гору и увидели торчащие из земли осколки.

Поход по местам боевой славы отцов — это великолепная школа духовного воспитания молодежи: комсомол делает тут чрезвычайно важным делом. Увиденное дорожке услышанного. Достоверный рассказ солдата для молодых поколе-

ний, как мне кажется, может быть не только рассказом, но документом, а сама встреча с солдатом — фактом жизни молодого человека, строкой в его духовной биографии.

Художественная литература, мне кажется, играет в процессе преемственности поколений особую роль. Художественное произведение вызывает эмоции, пробуждает сопереживание, вызывает к чувствам. Не зря же «Как закалялась сталь» Николая Островского, к примеру, до сих пор волнует и, убежден, всегда будет волновать сердца новых поколений молодежи, хотя речь в книге идет о временах, по отношению к нашим дням теперь отдаленных. То же надо сказать о книгах, посвященных войне. Подвиг советского человека, решимость его отдать свою жизнь, если потребуется, не могут не волновать, и лучшие, талантливые книги о войне будут читаться и перечитываться, вызывая волнение юных, их сопереживание. Так что художественная литература является одной из серьезных связей между поколениями.

— Биография писателя, Михаил Николаевич, всегда небезынтересна. И не только в плане литературоведческом, если можно так выразиться. Приход человека к мысли взяться за перо — это одно. Приход пишущего человека в литературу — это другое.

— Моя литературная судьба сложилась так. После командной службы меня направили в военную газету. Я очень этому противился, считал, что должен воевать, а работать в газете, даже фронтовой, во время войны — занятие не вполне серьезное. Пришлось, однако, подчиниться. Потом втянулся. Когда закончилась война, в газете наступило некое смятение: раньше писали о боях, а теперь требовалось нечто иное. Едва ли не в приказном порядке я стал сочинять приключенческую повесть — для чтения, однако, с военным оттенком — о недобитых диверсантах... Это была литература сочиненная, не от жизни. Позже попробовал написать то, что сам знал и видел. Получилась повесть «Солдаты». Отправил ее в Москву, стал участником совещания молодых писателей.

На совещании этом с главным докладом должен был выступать Александр Александрович Фадеев. Он много читал рукописей, одобрительно отозвался о моей. Но он заболел и с докладом не выступил. Позже уже я узнал: позвонил он как-то ночью Савве Кожевникову, тогда редактору «Сибирских огней», и вскоре после совещания повесть опубликовали. По его же инициативе меня приняли сразу в члены Союза писателей (тогда был кандидатский стаж).

Любопытная подробность. Когда на президиуме Союза писателей обсуждался вопрос о моем приеме в члены Союза, Лидия Сейфуллина зачитала какое-то место из моей рукописи — сластей-то хватало, все-таки первая вещь. Фадеев расхохотался. «Лидочка, — говорит, — а вспомни-ка, что мы с тобой в первых вещах писали!» Словом, убедил он Сейфуллину, голосовала она за прием меня в члены Союза. Я же на всю жизнь благодарен Александру Фадееву за этот своеобразный «аванс», за веру в начинающего писателя и его возможности.

О совещаниях молодых. Вообще писателей рождают не совещания. Но роль повивальной бабки, полагаю, они все-таки исполняют, пусть никто не обидится на меня за такое сравнение. Дело в том, что талантливые люди, как правило, народ очень совестливый, непробивной. А вот люди бездарные свою бесталанность компенсируют неумной энергией. Совещание молодых талантливых делает предметом огласки, помогает одаренным людям войти в литературу.

Публиковать первую вещь всегда рискованно, ответственно. На совещании же вырабатывается коллективное мнение о рукописи, тут уж нет субъективизма в оценке; совещание поможет талантливому человеку укрепиться в своем призвании, помогает издательству.

— Между совещанием, участником которого были вы, Михаил Николаевич, и VI совещанием — четверть века с гаком. Другое поколение молодежи, с другим жизненным опытом. Эти люди не прошли войны, не перенесли, может быть, многих тяжелых испытаний, но они столь же серь-

езны в своих намерениях. Время проходит, однако в литературе есть свои непреходящие ценности: партийность, идейность, высокое мастерство. Благодаря именно этим ценностям наша литература прирастает новыми творческими завоеваниями, новыми талантливыми именами. Что бы хотели сказать вы, мастер старшего поколения, поколению молодых писателей, которое представляет и новое поколение молодежи, что пожелать, посоветовать!

— Литературная дорога очень тяжелая, ухаби-стая и капризная. Здесь нужна не только светлая голова, но и мужественное сердце. Очень мужественное сердце.

Литература требует от человека отдачи целиком, без остатка. Говорю это не ради красного словца — так оно должно быть на самом деле.

Еще один совет — ответственность.

Вот детям мы с пеленок внушаем: с огнем играть опасно. С этих же лет нужно приучать человека к мысли, что не менее опасно играть со словом. Потому что слово может и возвысить душу человеческую и оскорбить. Словом можно и убить, как пулей. Словом можно заставить улыбнуться самого мрачного человека. Словом можно повергнуть в уныние самого неисправного оптимиста.

Как известно, из слов люди научились создавать памятники, неповторимые по своей красоте и долговечности. Из слов, к несчастью, составляются пасквили на самые дорогие для нас ценности. И все это — слово. Оно вручается человеку с двухлетнего возраста в вечное и безвозмездное пользование. И писатель в мире слов становится учителем людей. А учить — это не профессия, это — право.

Один человек сравнил хорошую книгу с выигранным сражением. Пойдем от противного. С чем же сравнить плохую книгу? С проигранным сражением?

Об этом должны помнить вступающие на литературную стезю. Ответственность за свое слово — это краеугольный камень литературного творчества.

ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧА
С
ПОЭТОМ

Юрий Уваров живет и работает в городе Горьком. По профессии он художник. Эта профессия наложила отпечаток и на его поэтическое творчество: стихи Юрия Уварова наполнены яркими и сочными красками, зорко увиденными деталями. Вероятно, что-то от живописи есть и в его поэтическом стиле — стремление к мягкой пластичности слова и образа. Он избегает излишней эффектности фразы, голос его негромок, но очень естествен.

Вместе с этим в стихах Юрия Уварова всегда ощущается подлинное человеческое тепло, внимание и участие к людям, о которых он пишет. Молодой поэт точно и убедительно умеет передать движение души, разнообразные оттенки чувств. В сочетании этих качеств мне и видится залог будущих поэтических успехов Юрия Уварова.

И еще хочется добавить, что Юрий Уваров — страстный охотник и рыбак, человек непоседливый, глубоко влюбленный в родную природу. Почти весь свой Нижегородский край он исходил пешком. А встречи с природой, с людьми постоянно подсказывают ему новые темы и образы.

Путь в поэзию всегда связан с трудностями и поиском, с риском первопроезда. Он требует самоотдачи, великого напряжения сил. Юрий Уваров уверенно вступил на этот путь и, мне кажется, не свернет с него, не оступится, потому что характер у него крепкий, волжский.

Геннадий СЕРЕБРЯКОВ,
участник IV Всесоюзного совещания
молодых писателей

Юрий УВАРОВ,
участник VI Всесоюзного
совещания
молодых писателей

Всю ночь в изгибах над водой
И над землей волшебный ветер
Летал,
Владея всем на свете,
Но только не самим собой.

Качался тополь во дворе,
Царапал ветками по стенам,
Наверное, по всей земле,
Как под окном, металась тень.

И оттого, что пребывал
Весь мир во власти сумасбродства,
Наш дом, как корабельный осто,в,
Скрипел и ветру подвывал.

Бутыльным горлышком, трубой
Печной и слуховым оконцем.
Но чудилось, что оборвется,
Что перейдет на разную

И этот звук.
И потому
В такую ночь никак не спится.
Да разве лучший сон сравнится
С тем, что творится наяву!

С тем, чьи повадки за стеной
Вводили в трепет дух и тело...
И вновь моя звезда летела
Во тьме дорогой круговой,

Еще не видная для глаз,
Но полная любви и света...
Так ночью, покидая нас,
Весна переходила в лето.

Полевые мыши воршат
Луговую тишину под стогом.
Тонкими стеблями камыша
Зарастает лунная дорога.

Зарастая редким ивняком,
Озеро мелеет год от года,
Где склонилась ива, над пеньком
Наклонилась теплая погода.

Будто здесь озерная душа
Канула на дно, всплеснув руками...
Сколько лет расходятся кругами
Волны
И сомкнуться не спешат.

Может, оттого, что по ночам
Там—на дальнем берегу—
Из дымки,
Как сорочка на худых плечах,
Светится последняя осинка.

Или в эти лунные часы,
На холодный камушек вступая,
Как Аленка, зябнет от росы
Совесть безутешная людская.

Потели ведра у колодца,
Жара кудахтала в пыли.
Подсолнух украинским солнцем
Светил в двух метрах от земли.
Под ним быки арбу тянули
Или арба толкала их...

Вновь память, точно рой над ульем,
Гудит у летки дней монах.
Летит пыльца воспоминаний
На босоногого меня,
И тихо беленькая няня
Стоит у старого плетня,
Сияя платьем домотканым,
По кругу источая свет...

Все, что должно забыться, канет,
Лишь это не сойдет на нет:
Лицо, склоненное над детством,
Крыльцо,
Где первый раз шагнул,
Родной очаг, где тяги гул
Возносит к звездам запах теста.

Вот то немногое, что свято,
Вот все, что мной руководит.
Клубится дым над отчей хатой,
Над ним двадцатый век гудит.

Уйти, обиду затая.
Любимая,
Чего же проще...
Расходится лучами площадь
Во все концы,
Во все края.
Туда, где тени и следы
Рисует синей краской вечер,—
Твои беспомощные плечи
Неотделимы от беды,
Когда наедине с судьбой
Одна останешься однажды...

Но каждый день
И час твой каждый
Со мной.
Поклон тебе земной
За то, что нет меж нами
Тайн,
Обида есть,
А тайны не было.
Отсутствуй,
Зимы не считай,
Ищи-свищи, журавль твой
В небе.
Твой путь по лунному лучу
Страшней пути канатоходца...
Живи не так, как я хочу,
Живи не так, как мне живется.

Трепещут листья на осине,
Как крылья бабочки меж рам.
Вот и совсем отморосили
Дожди по золотым шарам.

Они поникли вдоль ограды
Или меж рейками оград,
Как та листва на зубьях грабель,
Забывших кем-то между гряд.

Сожгли ботву на огородах,
Сжигают листья по садам...
Быть может, это время года
Дано для размышлений нам...

Пока совсем не обнажат
Ветра осину в эту осень,
Пока синицы есть не просят,
Пока меж стеклами дрожат

Два нежных крылышка... Пока
Душа разлукой не томится...
Как перистые облака,
Летят неторопливо птицы.

Привычное не возводи в привычку.
...Опять раскрыла ночь дырявый
Зонт.

На молнию последней электрички
Застегнут до рассвета горизонт.
По замше листьев водит ветер
Пальцем.
Летит пыльца на водяной паркет...
Паук свои серебряные пальцы
Выводит из угла на лунный свет.
И чудится мне голос в темноте:
— Священно все,
Что звездный зонтик крутит,
К ручьям подземным гнет ольховый
Прутик
И красоту склоняет к простоте,
Любовь — к отчизне,
Душу — к чистоте.

Юрию АДРИАНОВУ

Это ли возраст, которого ждали,
Это ли время, которое вот,
За поворотом на землю спадая,
Желтой листвою дорогу скребет.

Что тебе толку задеть за живое!..
Над лесосекой синее дымок,
Тяги дыхание пороховое
Сизые перья роняет у ног.

Все разошлись.
Травяной погремушкой
Брякнул шиповник.
В кустах у реки
Кто-то крадется и держит на мушке
Целое небо
И взводит курки.

Целый месяц начальство не трогать,
А потом отпроситься в отгул...
Уходящая к лесу дорога,
Отпечаток крыла на снегу.
Прикурю, закрываясь от ветра
Возле снегозащитных берез...
Сколько в жизни еще километров
Белым настом укроет мороз.
Прошлогодней польни метелки
Сыплют семечки.
Изморозь.
Свет.
Потихоньку течение поземки
Сносит горькие зернышки бед.

Дальше,
Дальше,
Под пристальным взглядом...
И опять две недели подряд
Прошлогодней зимы снегопады
Укрывают дорогу и сад.
Ты, проснувшись, на стекла дышала.
Там в просвете пушистого льда
День бенгальский огонь краснотала
Зажигал вдоль границы пруда.
Красногрудые птицы летали,
Лыжи хлопали на бегу...
Прошлогодний снежок заметает
Отпечаток крыла на снегу.

КУЗНЕЦ

РАССКАЗ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Орозбек Айтымбетов и Баян Сарыгулов родились и выросли там, где их народ создавал бессмертный океаноподобный героический эпос «Манас», где великий Тянь-Шань хранит в своих шершавых ладонях теплый, синий Насык-Куль, где лишь полвека назад появились первые печатные станки. В благодарность эпохе Ленина древняя киргизская земля дала миру гордость советской литературы — Чингиза Айтматова и айтматовскую прозу с глубоким психологизмом, «диалектикой души», нравственно-философской проблемой современности, которая одинаково близка людям разных стран и народов...

Накануне VI Всесоюзного совещания в киргизскую литературу вливаются новые силы. Рабочий из Фрунзе Орозбек Айтымбетов опубликовал несколько хороших рассказов и литературных статей. Баян Сарыгулов в отличие от товарища свои стихи и рассказы пишет по-русски, а также занимается художественным переводом.

Это их первая совместная работа. Первая публикация молодого прозаика в центральных изданиях.

Муса МУРАТАЛИЕВ,
консультант по киргизской литературе
Союза писателей СССР

Орозбек
АЙТЫМБЕТОВ

Перевел
с киргизского
Баян САРЫГУЛОВ

Участники
VI Всесоюзного
совещания молодых
писателей

Кузница Барпы стоит на отшибе, недалеко от аила. Вокруг кузницы нива. Сам Барпы — среднего роста, почти квадратный (такие у него широкие плечи) старик. У него круглая голова, редкие седые усы, редкая борода и острые внимательные глаза. Он молчун — бывает, за день десяти слов не скажет, — но пустых слов тоже никогда не говорит. Ходит не торопясь по кузнице, стуча деревянной ногой, весь поглощенный своими думами, перекуров не делает и прерывает работу лишь для того, чтобы выпить в обед трехлитровую банку айрана.

Когда кто-нибудь приходит в кузницу с заказом, он молча выслушивает его и кратко отвечает: «Сделаю. Приходи через столько-то времени» или наоборот: «Это я не смогу. Тебе надо ехать в район». И все. Поворачивается и принимается за прерванную работу...

Я стою у наковальни и смотрю на Барпы, который из рессоры делает скобу для брички. С короткого взмаха он резко ударяет молотом по раскаленному железу. Искры разлетаются во все стороны, освещая полутемную кузницу. Кузнец сосредоточен и серьезен.

Он поднимает голову и смотрит на меня:

— Что, головастый, в ученики хочешь?

Я киваю головой.

— А ну, подними-ка вон тот молот.

Я хватаюсь двумя руками за старую отполированную ручку и, напрягшись изо всех сил, поднимаю молот над головой.

— Хорошо, хорошо, — улыбается Барпы краешками губ. — Приходи завтра пораньше.

— А можно, я сегодня начну работать? — Радость так и прет из меня.

— Завтра, — отвечает он коротко и поворачивается к горну. — Вчера я у твоего отца был в больнице. Ему лучше уже стало. Просил передать тебе, чтобы ты бабушку слушался...

— Ладно! — кричу я, радостный, выбегая из кузни. — Спасибо большое!

Утром я встал рано. Быстро умылся, выпил молока. Вышел из дома, когда занималась заря.

В конце нашей улицы, у поворота, я оглянулся. У наших белых ворот стояла бабушка и рядом с ней — мой братишка. Они смотрели мне вслед. Я знаю, что шептала в этот момент бабушка. Утирая краешком платка слезинку на щеке, она бормотала тихо: «Хулиган ты мой маленький. Счастья тебе. Пусть будет удача тебе в жизни. И пусть ты никогда не узнаешь того, что выпало на нашу долю». Так она всегда говорит.

Увидев издали стоящего у развилки Барпы, я замахал ему руками. Кузнец был одет в старую фуфайку и выцветшую измятую шляпу. В руках он держал брезентовую сумочку с обедом и новый молот.

— Держи свой молот, — сказал он, подавая его мне.

Мы пошли молча в сторону кузницы. Молот был легче вчерашнего, но все равно я быстро устал и нес его, попеременно перекладывая с одного плеча на другое. Барпы шел впереди. Его деревянная нога стучала равномерно: «Тук. Тук».

У кузницы нас ждал шофер бензовоза со сломанной рессорой в руке. Он смотрел, как мы приближались: впереди Барпы, а за ним я с молотом на плече, словно оруженосец средневекового рыцаря.

— Аксакал, выручай! — Он двумя руками пожал широкую ладонь Барпы. Со мной поздоровался так почтительно, будто я — председатель колхоза.

— Коренник полетел, — начал он объяснять кузнецу, шагая рядом.

— Сделаем, — сказал Барпы и взял рессору из рук шофера. Оглядывая ее, полез в карман и бросил мне ключ.

— А ну-ка, открой кузню и раздуй огонь...

Так начался мой первый рабочий день.

Барпы — герой. Про него написано в нашем школьном учебнике. Он кавалер всех орденов Славы.

Мы однажды приглашали его к нам в школу, только он ничего не рассказывал о себе. Сказал лишь, чтобы мы учились хорошо, слишком не баловались и тепло одевались (это было в феврале). Посидел молча, посмотрел нашу самостоятельность и ушел.

С того дня во мне зародилось сильное желание услышать о подвигах Барпы из уст его самого. Он стал для меня самым загадочным человеком на земле. За что он получил столько орденов и медалей и почему никогда и никому об этом не рассказывает? Не то что старик Алтынбай. У того всего лишь одна медаль, но он может рассказывать о войне три дня с утра и до вечера...

Я уже давно собираюсь задать ему измучивший меня вопрос, но никак не могу выбрать подходящий момент.

...Однажды вечером, когда мы пили чай, вошел, тяжело ступая, Барпы. Одежда его и старая деревянная нога были сплошь в мазуте (наверно, помогал соседу чинить трактор), и сам он выглядел очень усталым.

Кузнец сел к достархану, выпил молча пшалу чая. Оглядел нашу комнату, долго смотрел на меня. Потом взгляд его остановился на бабушке.

— Анипаш,— сказал он своим глухим голосом.— Дай мне фотографию, где мы с Кубатом сняты.— (Кубат — мой дядя).— Я думаю на днях в город съездить. Хочу увеличить ее. Заодно и для вас несколько штук закажу.

Бабушка пошла в другую комнату и скоро вернулась с маленьким свертком, завернутым в синий бархат. Развернула его и достала небольшую черную папку, плотно набитую старыми, пожелтевшими фотокарточками. Стала перебирать их.

Барпы сидел рядом, на кошке, вытянув деревянную ногу, и затягивал ремни на ней. С внутренней стороны ноги химическим карандашом был нарисован танк со звездой и летящий над ним самолет.

— Опять ввук, бейбаш, мне тут нарисовал,— покачал он головой и, достав перочинный ножик, стал соскабливать рисунок.

— Вот она! — Бабушка протянула ему небольшую, с ладонь, фотокарточку.

Барпы бережно взял ее толстыми негнущимися пальцами и долго держал перед собой. Вопарились тишина. Я смотрел то на Барпы, то на бабушку. Бабушка сидела, плотно сжав свой беззубый рот, и теребила в пальцах кончик цветастого платка. «Сейчас начнет плакать»,— подумал я и перевел взгляд на кузнеца.

Барпы сидел, опершись широкой спиной о стену, и смотрел на фотографию. Он часто проводил ладонью по лицу: сверху вниз, словно разглаживая морщины — и тяжело вздыхал. (Он часто так вздыхает.) Бабушка тем временем, покопавшись среди фотографий, достала сложенный вчетверо желтый лист бумаги — аттестат дяди Кубата — и протянула ему. Зачем, не знаю. Я видел этот аттестат много раз: там по всем предметам стоит «отлично».

Барпы аккуратно развернул его на краю достархана. А фотокарточку вложил в свою инвалидную книжку и запрягал во внутренний карман пиджака.

— Кубат был бы сейчас академиком,— сказал он задумчиво, ни к кому не обращаясь, будто в комнате не было ни меня, ни бабушки.— Или министром. Такого талантливого человека я никогда не встречал. Такого доброго и веселого — тоже...— Он продолжал тихим голосом, глядя прямо перед собой:— Все его любил. И судьба всегда баловала... Слово неземная сила оберегала его. Четыре года, почти с первых дней войны, в пехоте — и ни одной царапинки. А лез он всегда в самое пекло. И я, дурак, наверно, поверил в его удачу... Ох, Анипаш!..

Барпы сжал огромные ладони в кулак, и мне показалось, что руки у него начинают дрожать. Я смотрел на кузнеца, раскрыв рот. «Сейчас начнет рассказывать про войну»,— подумал я и устроился поудобнее. А Барпы сидел молча, опустив голову, и не поднимал взгляда от земли.

Неожиданно он вздрогнул и резко встал, опираясь о стену руками. Схватил с подоконника свою старую шляпу, повернулся и направился к двери, не говоря ни слова. Его деревянная нога, казалось, пробьет пол, так она сильно стучала. Выходя, он ударился плечом о дверную раму.

Я сидел испуганный и ничего не мог понять.

— Что с ним случилось? — спросила я бабушку.— Почему он так?

Бабушка стояла у окна и смотрела на улицу.

— Они служили вместе,— тихо ответила она.— Барпы был у Кубата командиром роты. Какое-то задание гадо было выполнить. Все знали, что с него живым не вернуться. И Барпы послал Кубата...

Я подошел к окну. Кузнец был уже далеко. Он шел прямо посередине улицы, широко отмахивая деревянной ногой и яростно всаживая в землю самодельную палку-трость.

Возле кузницы стоит старый ЧТЗ. Колеса у него железные, со спицами, как у телеги. Зубья колес торчат в разные стороны. Трактор весь покрыт бурой ржавчиной, от мотора почти ничего не осталось. Ветер тоскливо свистит, обдувая его со всех сторон.

— Почему он тут стоит? — спросил я однажды у Барпы.

— Никому не нужен,— ответил он.— И стоит.

— Мы с мальчишками укатим его на металлолом? — вопросительно посмотрел я на кузнеца.

— Нет,— ответил кузнец.

Я пошел к трактору и попробовал толкнуть его. Трактор, приросший зубьями к земле, даже не шевельнулся.

Потом мы сели обедать. Барпы, допив свой айран, показал рукой в сторону ЧТЗ.

— Это трактор моего сына,— сказал он.— Трактор Сапара. Он был первым трактористом в нашем колхозе. Погиб в сорок четвертом. В Чехословакии.— Старик замолчал. Встав, начал ходить взад-вперед по кузне. Взял зачем-то с наковальни молоток. Про меня он, по-моему, забыл.— Не послушалась,— продолжал он глухо.— Приписал себе два года, пошел добровольцем. И вот отец вернулся, сын погиб. Мать умерла, меня не дождалась.— Барпы ударил молотком по наковальне. Вдруг он заметил меня, сидящего с недопитой кружкой айрана в руке, и, словно удивившись, почему я в кузне, уставился на меня. Станный у него был взгляд.

— Иди домой, сегодня мало работы,— сказал он.

Я тихо выскользнул в дверь и, обойдя угольный сарайчик, прильнул к маленькому окошку. Барпы ходил по кузнице, что-то говоря сам себе. Неожиданно он остановился у наковальни и, размахнувшись, запустил молоток в кучу железа. Раздался грохот. Барпы, обхватив голову руками, опустился на табурет прямо напротив окошка и долго сидел не двигаясь.

Когда он поднял голову, мне показалось, что в его глазах блестят слезы.

Но я не уверен. Может, это и не так. Я не могу представить себе Барпы плачущим.

Уже осень. Я работаю в кузнице Барпы почти полгода. За лето я вырос из всех своих брюк и пиджаков. Бабушка шутит, что скоро мне будет мал даже отцовский костюм.

Ладони мои стали большими и тяжелыми. Икогда я чувствую в них такую силу, что, кажется, могу забросить молот на луну.

Барпы часто оставляет меня за себя. Когда уезжает в город на своем красном «Москвиче», который ему купил колхоз, или когда у него болит нога. Иногда мы ездим с ним в санаторий проводить моего отца. Он был контужен на войне и вот уже много лет проводит ежегодно по несколько месяцев в больнице.

Однажды я нечаянно услышал разговор Барпы с моим отцом.

— Ты присматривай за моим Ишенбаем,— говорил отец.

— Не беспокойся,— отвечал Барпы.— В люди я его выведу. Он мне как родной сын. Чем-то напоминает моего Сапара. Хороший мальчишка. Я к нему привязался за последнее время...

На обратном пути мы ехали молча. Я смотрел все время на дорогу и думал. Об отце... О его братьях, погибших на фронте. О матери. О бабушке. Наконец, о Барпы. Моя мысль все время возвращалась к нему. Изредка я украдкой бросал взгляд в его сторону. И вдруг такая нежность охватила меня к этому человеку, что на глаза навернулись слезы. Я не мог их сдержать и уткнулся в боковое стекло. Шел дождь, мимо с ревом проносились автомашины.

Однажды мы чинили плуг около кузницы, и вдруг оказался из-за поворота председательский «газик». С председателем приехал незнакомый парень, одетый по-городскому и похожий на нашего учителя по рисованию.

Они поздоровались с нами за руки. Председатель поинтересовался здоровьем Барпы, здоровьем моего отца, расспросил, как идет работа. Потом представил юношу.

— Аксакал, вот корреспондент приехал из Фрунзе. Хочет о вас написать.

Парень при этом кивнул головой, словно подтверждая слова председателя, и учтиво улыбнулся.

Барпы ничего не ответил. Молча собрав лежавшие на верстаке инструменты, пошел в кузницу. Мы пошли следом. В кузне сразу стало темно и тесно. Председатель и корреспондент несколько раз переглянулись. Барпы, стоя к нам спиной и раздувая горы, сказал раздраженно:

— Нечего обо мне писать. Уже писали много раз, хватит. Что я, маршал Жуков, что ли? Зачем из меня героя делать?

Он повернулся и подошел к наковальне. Оперся о нее руками.

— Вся страна воевала. Многие жизни свои положили. О них надо писать. О его дяде надо писать.— Барпы кивнул в мою сторону.— Нельзя только на ордене смотреть. Алтынбай не воевал, что ли? Рысбек не воевал, что ли?

Кузнец замолчал, и наступила тяжелая тишина.

— Извини, председатель,— будто очнувшись Барпы после долгого молчания.— И ты, сынок, не сердись,— посмотрел он в сторону корреспондента.

...Я слышал, как корреспондент говорил председателю, когда они садились в машину: «Его тоже надо писать. Ведь война для него в сорок пятом не кончилась. Она, наверно, до сих пор идет»...

Тот день я помню хорошо. Я пришел на работу рано, захватив с собой полученную накануне газету. Там была большая статья о Барпы. «Вот он какой! — изумленно думал я о старике, подметая кузницу.— Ну сегодня-то я заставляю его разговориться...» Взяв газету, я опять перечитал статью.

Барпы пришел поздно. Он был в хорошем настроении.

— Доброе утро, головастый,— поздоровался он со мною и похвалил:— Вот молодец, что подмел пол. Давно мы уборку не делали.— Повесил на гвоздь свою старую шляпу, снял латаную фуфайку. Сумку с айраном поставил на полку. Начал раздувать горы.

Барпы не любит отвлекаться, если начнет работать, и поэтому я решился...

— Ата,— подошел я к нему.— Расскажите, как вы три танка подбили в одном бою?

— Кто это тебе сказал? — строго посмотрел он на меня. Я не выдержал его взгляда и потупился.— В газете написано.— Я протянул ему газету. Он вырвал ее из моих рук. Подойдя к окну, начал читать. Быстро пробежал глазами, бросил на станок.

— Чего тебе рассказать? — сердито спросил он.— Как я три танка подбил? Сам же знаю. Я их не один подбивал. С Рамадином. С черкесом. А тут про него ни слова. Про меня же столько понаписали, словно я один всю немецкую армию разгромил. Не будь Рамадина, не жил бы я сегодня. Он меня вынес на себе. А сам погиб...— Барпы начал ходить по кузнице. Я знал, что это означает, и пожалел — не стоило мне лезть к нему со своим вопросом.

— От смерти меня спас.— Старик позабыл про меня и разговаривал сам с собой.— Раненый... и еще меня тащил. Потом нас начали минами накрывать... А потом... Погиб он.— У Барпы начали дрожать руки.

— Он был похож на моего сына. Джигит! Настоящий горец! Смелый!.. Как мой Сапар! Называл меня «отец». Был сирота и звал меня «отец»! — Барпы схватил с наковальни молот.— Обоих сыновей в тот год потерял: и Сапара и Рамадина. Лучше бы сам погиб. Но что им, мертвым, от моей смерти? И я мстил за них. И не только за них — за всех. Я бил фашистов! Освобождал славянскую землю! Смерть меня боялась. Не брала!

Лицо Барпы искажилось. Мне стало страшно. Он занес над головой молот и со страшной силой опустил его на наковальню.

Наступила тишина. В ушах стоял звон. Я весь дрожал. Что-то хотел сказать, но не мог. Барпы лежал ничком на пороге кузницы...

Он вышел на работу через день. Пришел рано и дождался меня около старого ЧТЗ.

Я знал, что он уже в кузнице. Следы его тянулись ровной цепочкой от самой деревни и четко выделялись на свежем, пушистом снегу: большой след от стоптанного кирзового сапога и маленький круглый — от его деревянной ноги.

Я шел по краю тропы, боясь наступить на следы Барпы. На сердце было тяжело. Чувство вины перед ним угнетало меня.

Я подошел к кузнецу, не поднимая головы. Поздоровался. Он взял мою протянутую руку в свою огромную ладонь. Привлек к себе. От него пахло какой-то мазью, видимо, опять болела нога. Я прижался к его холодной фуфайке...

Тяжелой ладонью он тихо погладил меня по голове...

„Откровенность“

О том, как они пишут, писатели говорить обычно не любят. Это редкий случай, что здесь перед вами писатели об этом говорят. Я думаю, что некоторые не совсем этим и довольны, и вовсе не из каких-нибудь плохих побуждений, а просто потому, что это чрезвычайно трудный и неясный вопрос. Когда пишешь, то невозможно следить за собой, ловить себя на том, как ты работаешь. Об этом никто из писателей не думает, а если бы подумал, то, очевидно, не смог бы работать.

Хочу вам напомнить басню о сороконожке. Сороконожка, как известно, быстро бежит на своих 40 ногах. Встретилась ей однажды лягушка и спросила ее: «Почему ты так быстро бегаешь? В чем секрет? Скажи, когда ты поднимаешь восьмую левую лапу, то какую правую ты в это же время должна поднять?» Сороконожка глубоко задумалась над этим и в результате разучилась бегать. Вот одно из обстоятельств, почему писатели не занимаются анализом своей работы.

Творчество — один из сложнейших процессов нашей психики, процесс удивительно интересный. Многие наши крупные писатели или не хотели, или не умели говорить об этом. Гоголь не любил говорить о том, как он пишет. Он отговаривался тем, что он этого не знает. Пушкин, конечно, понимал характер своей работы, но не всегда хотел в нем разбираться. Он говорил о «дали романа», о неясности этой «дали», хотя роман в это время уже писался.

Но есть писатели, которые прекрасно в этом разбираются. Почему-то так случилось, что эти писатели принадлежат к группе так называемых второстепенных писателей. Например, Эртль великолепно разбирался в творческом процессе.

Но, в общем, когда пишешь, тогда, говоря откровенно, не понимаешь, как «все это происходит». Когда же работа закончена, начинаешь кое-что понимать. Вот об этом «кое-что» я и хочу сказать несколькими словами.

Характерно, что Пушкин, закончив работу и проанализировав свое состояние, дал, пожалуй, самое точное его изображение. Это относится не только к поэзии, но и к прозе. Творческий процесс и в поэзии и в прозе совершенно одинаков. Я никогда не провожу большой границы между поэзией и прозой. Подлинная проза всегда поэтична.

Я говорю о стихах Пушкина:

«Я забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко усыплен своим воображеньем.
И пробуждается поэзия во мне,
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепет и звучит и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем».

Если вы проанализируете каждую строчку этих стихов, то получите ясную картину творческого процесса.

«Я забываю мир» — это огромная, глубокая сосредоточенность, когда человек во время работы ничего не слышит и не видит, когда он как бы глохнет и спит. Чтобы вывести его из этого состояния, нужно приложить большое усилие.

«И в сладкой тишине я сладко усыплен своим воображеньем». Я не знаю, были ли на совещаниях разговоры о творческом воображении. Если их не было, то весьма жаль. Федин в своем романе «Первые радости» справедливо сказал, что воображение — это бог искусства. Это его сердцевина, те ростки, в которых скрыта огромная мощь. Без воображения литература не может существовать.

«И пробуждается поэзия во мне,
Душа стесняется лирическим волненьем».

Это лирическое волнение говорит о необходимости для каждого писателя глубоко эмоционально воспринимать и передавать все окружающее. Безразличия в литературе нет и не должно быть.

«Трепет и звучит и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем».

«И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И руки проснутся к перу, перо — к бумаге.
Минута — и стихи свободно потекут».

Это совершенно блестящее и точное изображение творческого процесса.

Высказывания на тему о том, «как мы пишем», у писателей, конечно, есть, и почти у всех. Но их мало. Они не собраны. Они разбросаны в письмах, в дневниках, в разговорах. Это интереснейший материал, но никто его толком не собирал. В этом деле много кустарщины. Есть книга «Русские писатели о литературе», но она очень неполная. Есть даже сборник писательских заметок о собственном творчестве (книга «Как мы пишем»), но все это отрывочно и сдобрено обязательным остроловием — качеством, которое редко оставляет писателей. Были работы совершенно смехотворные и анекдотические. Был в Москве «Кабинет изучения творчества писателей» при одном научном учреждении. Он ограничил свою работу тем, что разослал писателям анкеты (с пометкой «нужное подчеркнуть»). Был там такой вопрос: «Часто

ли вас посещает вдохновение!» И ответы: часто, не очень часто, совсем не посещает... Был и другой вопрос: «Занимает ли вас вопрос любви в литературе?» Ответ: очень занимает, не занимает, больше занимает, чем нет, совсем не занимает.

Из всего, что я вам сказал, вы видите, насколько это несерьезно. А ведь это область человеческой психики, огромная, неисчерпаемая, требующая очень серьезных работ.

Я, грешный, тоже сделал попытку сделать творческий процесс предметом литературы и начал писать книгу о том, как пишутся книги*. К сожалению, она не окончена: помешала война. Написано уже 8 листов. Это книга очень свободного жанра, где собран собственный опыт. Сейчас я хочу довести эту книгу до конца, но боюсь, что будет мне не по силам. Это большой труд, и тем более серьезный, что в этой области очень много разрозненных и трудноуловимых вещей.

Перейду к своей работе. Не ждите от меня никаких советов, рецептов, никаких откровений. Я просто хочу рассказать, как я работаю.

Прежде всего поговорим о писательской биографии. Часто говорят: «У такого-то хорошая писательская биография, а у такого-то плохая». Настоящая писательская биография — это жизнь писателя, очень разнообразная по охвату материала.

Писателю не только можно, но и нужно делать свою биографию. По существу, писательская биография — это работа над накоплением материала, над наполнением писательских закровов.

Когда я задумываюсь над тем, почему я начал писать и почему я дошел до такого состояния, что не писать я не могу, я всегда возвращаюсь к своему детству и ищу в этом детстве каких-то оснований для этого.

Викатце я расскажу свою биографию.

Я вырос на Украине и очень много лет провел в украинской деревне. В этой деревне жили мой дед и бабушка-турчанка. Дед — бывший чумака, солдат, пасечник, сказочник. Он знал много украинских песен, «дум». Он пел нам, внукам, эти «думы» про Запорожскую Сечь, про казацкую вольность. Мелодии «дум» были заунывные, протяжные, приспособленные к шагу коней. Он нам много рассказывал, как чумаковал, ходил за солью в Крым. Знал он хорошо Украину и хорошо и просто о ней рассказывал. Вот корни первого восприятия народной поэзии, родственной поэзии Шевченко, в рассказе и песнях деду.

Если каждый задумается над своим детством, то, возможно, вы найдете у себя в прошлом тех людей, которые вас толкнули на писательский путь. Мне кажется, что у каждого была своя Арина Родионовна.

Дед в моем сознании находится где-то рядом с Ариной Родионовной. Я окончил классическую гимназию — думаю, что вы знаете, что это такое. Но мне повезло. У нас был великолепный преподаватель литературы. Это был даже не учитель, но вдохновенный, захваченный литературой до конца человек и поэт. Он вел нас по своему пути и много говорил о высоком призвании писателя.

Из моей гимназии вышло много писателей и работников искусства: Берсенев, Ромашов и другие. В семье у нас было благовоющее отношение к литературе, особенно у отца.

В гимназии я написал и напечатал первый рассказ. Сейчас я рад, что написал этот рассказ под псевдонимом. Это было что-то неясное, аморфное, настолько «красивое», что могло вызвать тошноту.

Преподаватель литературы прочел этот рассказ, вызвал меня к себе и сказал: «Бросьте писать такую галиматью. Что вы вообще знаете, кроме гимназии, Киева и украинской деревни? Если хотите заниматься литературой, то надо приобрести огромный жизненный опыт. И сами вы должны быть к тому же интересным человеком. Тогда, может быть, что-нибудь из вас и выйдет».

И вот вместо того, чтобы идти после гимназии в университет, я начал менять профессии. Я менял их совершенно сознательно. Когда одна профессия казалась мне более или менее исчерпанной, я выбирал другую.

Я был вожатым и кондуктором трамвая в Москве. Эта работа много дала мне в области психологического знания людей. Был матросом, токарем в Донбассе, был санитаром в первую мировую войну, был на фронте, потом перешел к журналистике — деятельности, которая более или менее близка к литературе...

В Одессе издавалась морская газета «Моряк». В ней было 60 сотрудников. В те времена сотрудники никакого гонорара деньгами не получали. Гонорар платили пуговицами, табачком или синькой. В «Моряке» печатались Катаев, Багрицкий, Вера Инбер и многие другие писатели, их привлекал тот «воздух» редакции, которого я потом больше нигде не встречал, — веселое и дружное племя литераторов, которое толпилось в редакции с утра до вечера.

В Одессе почти не было бумаги. Нам выделили кипы чайных бандеролей разного цвета. Газета выходила во вторник на бандеролях красного цвета, в среду — желтого и т. д. и лишь по воскресеньям — на белой, рыхлой бумаге. Воскресный «Моряк» выглядел, как газета для слепых — буквы не отпечатывались, а выдавливались.

В «Моряке» на $\frac{1}{4}$ печатался литературный материал, который имел довольно слабое отношение к морю. Это была больше литературная, чем морская газета. Постепенно из газетной работы начал переходить на писательскую. После гимназии я писал, но не печатался, а с 1912 года начал серьезно печататься. Сам я не верил в себя, у меня еще не было твердой уверенности, что я свободно владею материалом из своих «закровов».

Необходимо упомянуть о вреде раннего профессионализма. Чрезмерно раннее печатание опасно для молодого писателя. Иногда оно равно самоубийству. Ибо как только вы становитесь профессиональным писателем в молодые годы, как только вы переходите только «на литературу», вы отрываетесь от жизни, не накопили житейского опыта, того «багажа», который вам нужен, как воздух.

Я наблюдал, как молодые писатели быстро выдыхались. Они целиком зависели от того, будет или нет напечатана их вещь. Эта страшная зависимость толкала их на скороспелую работу, на исписывание самого себя, на «холостый ход», переработку одного и того же материала, который давным-давно исчерпан. В конце концов может наступить самое страшное для писателя, самое трагическое положение, которое определяется словами «писатель исписался». Это моральная смерть для писателя. В тот момент, когда у писателя исчерпан запас его мыслей, его наблюдений и его образного богатства, он перестает быть писателем.

У многих писателей творчество неотделимо от биографии. В качестве примера я могу сослаться на писателя Гайдара. Я очень хорошо знал его. Гайдар, по существу, был персонажем из своих повестей и романов. Где бы Гайдар ни появлялся, он приносил с собой ощущение того, что появился не совсем обычный человек, человек, наполненный смехом, мыслью, выдумкой, причем свою выдумку он тут же претворял в жизнь. Это выливалось у него в форму всяких розыгрышей, иногда очень интересных, увлекательных, иногда легких, но всегда носивших какую-то, как принято говорить, «смысловую нагрузку». Будничность моментально сдувалась, когда он появлялся. То, что делал в жизни Гайдар, потом я находил в его книгах. Помню, у меня тяжело заболел сын. Как раз в это время ко мне пришел Гайдар. Врач назначил сыну лекарство, которое должно было его спасти, но этого лекарства ни в одной аптеке в Москве нельзя было достать.

— Можно! — сказал Гайдар.

Он позвонил к себе домой и велел тотчас прислать к нему всех мальчишек со своего двора. Через несколько минут начались звонки, повалили толпы ребят. Гайдар, как капитан на корабле, командовал: поезжай в аптеку в Марьяну роу, к Красным Воротам, на Калужскую... Через полчаса начались звонки по телефону. Запыхавшиеся мальчишеские голоса, захлебываясь, кричали, что в 68-й аптеке лекарства нет, что у Красных Ворот лекарства тоже нет... Но через полчаса раздался звонок, и захлебывающийся, восторженный мальчишеский голос прокричал в телефон: «Ариадий Петрович, я нашел!» Гайдар сделал то, что казалось мне невозможным. Благодарить его было нельзя. Он удивлялся и говорил о том, что благодарят же людей за то, что они с вами здороваются.

Однажды летом Гайдар приехал ко мне в деревню. Он был страстный рыбак, а лето было очень сухое, и червей не было. Мы впали в полное уныние: раз нет червей, то нельзя и ловить рыбу. «Ничего, — сказал Гайдар, — завтра будут черви!» И когда на завтра я проснулся, то у ворот стояла толпа мальчишек с баннами, полными червей. А на воротах висел огромный плакат: «Скупка червей от населения».

Гайдар как писал, так и жил. Недаром о Гайдаре создавалась целая мифология.

Мы говорим о профессионализме. Это слово, пожалуй, неприменимо к тому, чем мы занимаемся. Писательство — это не профессия, а призвание. Это нечто более значительное и более высокое, чем профессия.

Как я изучал жизнь! И что это вообще значит! «Изучая» жизнь, можно впасть в непоправимую ошибку. Вы будете ходить по жизни с записной книжкой в руках. Будете собирать всякие черточки и детали, чтобы потом где-то вставить это в свою повесть или рассказ. Если вы будете так изучать жизнь, то ничего у вас не получится. Это — мертвое дело. Писатель в чеховской «Чайке» — несчастный, выхолащенный человек, лишенный способности непосредственно чувствовать именно

* Речь идет о книге «Золотая роза».

и мастерство»

потому, что он чисто служебно относится к действительности. Если он видит облако, он должен сейчас же это записать. Непосредственное ощущение этого облака для него пропадает. Он во все всматривается как ремесленник.

Что значит изучать жизнь? Надо в ней участвовать. Надо жить, работать, любить, бороться, надо вбирать в себя жизнь, не думая, что это пригодится для вашей литературной работы. Когда же придут сроки для литературной работы, то ваша наполненность все определит и подаст вам из ваших закромов нужный и отобранный материал.

Я не веду записных книжек. Если бы я и вел их, то для иной цели, отнюдь не в помощь своему писательскому делу. Записная книжка сама по себе, как жанр, — это одно из интереснейших явлений литературы. Достаточно прочесть записные книжки Чехова или его совершенно замечательные письма, чтобы убедиться, что это глубокий и острый жанр в литературе.

Если вы записываете в записную книжку всяческие выражения и фразы и думаете, что вы можете потом механически взять их и перенести в рассказ или повесть, то ничего не получится. Я пробовал это делать. Все, что я брал из записных книжек, несмотря на то, что это было правдой, звучало в рассказах совершенно неправдоподобно, лежало мертвыми кусками. Таково различие между правдой художественной и правдой документальной. Они не совпадают. Вещи, бывшие на самом деле, будучи механически перенесены в литературу, кажутся нам ложными и фальшивыми потому, что они не обросли художественной правдой.

Я считаю, что писатель должен много (пронзительно это громкое слово) путешествовать и бродить.

...Большинство людей, узнав, что перед ними писатель, начинают перед ним, что называется, «выламываться» или рассказывать всякие замечательные случаи, которые нужно бы ему описать. Сравнительно недавно я получил истинное удовольствие, когда один колхозник, старик, понял, что такое писательство. Он все допытывался, чем я занимаюсь, что пишу. Учебники? Нет. А что же? Книжки. Говорить с ним о писательской работе было трудно, потому что он слабо представлял, что такое эта «изящная словесность». Но один раз он прибежал ко мне совершенно восторженным:

— Я понял, что ты пишешь: календарь. Оказывается, в отрывном календаре он прочел мой отрывок. Тогда до него «дошло», чем я занимаюсь.

Когда нужно писать? Писать нужно при neodолжимой внутренней потребности.

Поскольку писатель наш является сыном своего народа, своей страны, своей эпохи, поскольку он наполнен современностью, то если он самым полным образом себя выразит, то этим он выполнит свою задачу, этим он выразит свое время.

В этом отношении очень ценен совет Льва Толстого. Никогда не пишите, говорил он, о том, что для вас не интересно; если можете что-нибудь не сказать, то никогда не говорите, а говорите только то, чего вы не можете не сказать.

Свое видение мира, свою наполненность нужно передать окружающим, но только в том случае, когда есть глубочайшее убеждение, что этим я говорю что-то новое, а не повторяю затрепанную истину и азы. Эта «передача» своего мира другим мучительная, но прекрасная работа. Нужна щедрость. Человек по натуре скупой (может быть, это выглядит парадоксально) не может быть писателем. Писатель отдает другим все, чем он владеет, и отдает до самого дна.

Я думаю, что надо работать, даже над рассказом в две страницы, во всю силу, «до потолка» и вложить в этот рассказ все самое лучшее, что в вас заключено. И никогда себя не беречь, никогда не припрятывать что-то на будущее. Да, вам покажется, что вы всего себя истратили на одну вещь, но это не так. Через неделю вам опять захочется писать. Появится новая мысль, новый замысел.

В каждую новую книгу писатель должен входить, как в неведомую страну. Его ждут радости, печали и неожиданности. Савва Кожевников подарил мне свою книгу. В ней есть рассказ «Белая тайга». Существует мнение, что до Ермака в Сибири не было березы. Но недавно за Нарымом открыли «белую тайгу», тянущуюся на несколько сот километров, тайгу из берез огромной высоты, в два обхвата. Эти леса похожи на миллионы мраморных белых колонн. Такие же неожиданности ждут вас в работе. Вы приходите в знакомую вам тайгу и наткнетесь на неожиданность, которую приготовит вам ваше воображение.

План — хорошая вещь, чтобы начать работать и собрать воедино материал. Но обыкновенно как

только вещь «ожил» под пером писателя, как только в нее вошли живые люди, они начинают действовать не так, как хочется автору, а как надо по внутренней логике вещей. Герои начинают сопротивляться автору. И часто бывает, что вы сдаетесь, ибо герой поступает правильно.

Некоторые писатели составляют очень точные планы, а некоторые пишут без всякого плана. Алексей Николаевич Толстой, человек того большого таланта, о котором принято говорить, что «вдохновение находится на кончике пера», говорил, что достаточно было для него какой-то частности, какой-то живописной детали, и эта деталь у него в сознании быстро рождала огромное количество идей. Так появлялась книга. Когда он садился писать, то, по его признанию, не всегда знал, «накатит» ли или «не накатит» вдохновение.

О людях, что будут существовать в ваших вещах, надо знать гораздо больше, чем то, что войдет в вещь. Тогда даже эпизодический человек будет живым. Если он живет в вашем представлении, то он таким же живет и в представлении читателя.

То, что писатель понимает, он не должен до конца объяснять и разъяснять читателю. Читатель великолепно все поймет, ибо он понимает гораздо больше, чем мы думаем.

Несколько слов о языке. В высказываниях некоторых наших писателей я уловил несколько пренебрежительное отношение к языку, тенденцию отвести языку служебное место в литературе.

Мы прекрасно понимаем, что великолепная, блестящая и могучая идея может быть дискредитирована, если высказана отаргументированным языком, высказана косноязычно.

Наш язык — оружие. Об этом мы всегда должны помнить. Тем более такой язык, как русский. Вы все знаете, что это самый богатый язык в мире. Не только самый богатый, но самый красивый по своему звучанию. Русский язык настолько богат фонетически, что на нем можно писать куски прозы, которые будут звучать, как написанные на любом из культурных языков мира. Нам дан великий язык, одна из величайших мировых ценностей.

Мы должны его беречь и главным образом беречь от засорения словами, которые никак не свойственны русскому языку и которые попадают к нам извне. Мы привыкли ко многим словам, которые к русскому языку отношения не имеют. Шаблон в язык въезжает крепко, особенно в язык литературный.

Я помню, как-то мы выступали в школе, в Калининске. С нами был молодой писатель. Он читал свой рассказ о первом пароходе. Когда он прочел «пароход шел вниз по реке», какой-то мальчишка крикнул из зала: «...изрыгая клубы черного дыма». У писателя как раз так и было написано в рукописи. Четка была сорвана.

Я не буду приводить примеров языкового шаблона. Вы можете развернуть любую газету и найти там много примеров.

Писателей легких и трудных, по-моему, нет. Говорят, что Флобер писал трудно, а Пушкин — легко. Недавно я видел рукопись Пушкина — это зрелище поучительное. Вы видите, как идут поиски слова. В одном месте я насчитал 12 или 14 эпитетов, которые Пушкин все время менял. Теперь я вполне понимаю того старого пушкиниста, который всю жизнь сидел над рукописями Пушкина и заплакал над одной из них потому, что не мог ее прочесть: столько было в ней правки.

Эпитет — это образная проза. Нечего говорить о точности эпитета: это всем совершенно ясно. Из тех работ, которые я прочел, я сужу, что обращение с эпитетом у молодых писателей небрежное. Очень много эпитетов к одному и тому же предмету, причем совершенно случайных и ничего не раскрывающих. Стоят рядом три эпитета, и все они совершенно одинаковы, тогда как каждый эпитет должен показывать предмет совершенно в новом качестве, в новом ракурсе.

Я считаю, что есть три стадии работы над книгой: вынашивание книги у себя в сознании, вторая стадия — записывание книги и третья стадия — правка. Это, по-моему, замечательная работа. Сырая вещь на глазах превращается в литую, доводится до той ясности, когда в каждую фразу вы не можете больше вставить или убрать из нее ни одного слова. Эта работа вовсе не снимает живости и поэзии. Возьмем стихи Пушкина: «Люблю тебя, Петра творенье». Просмотрите их с этой точки зрения, и вы увидите, что каждое слово совершенно необходимо, ни одного слова нельзя ни выбросить, ни прибавить, и нет ни одного лишнего эпитета.

Я считаю, что все прозаики должны знать (я не говорю — любить, потому что любить никого нельзя заставить), хорошо знать поэзию, ибо слово в поэзии, в стихах совершенно иначе звучит, чем в прозе. Слово в поэзии благодаря рифме и благодаря тому, что оно всегда произносится мелодично и протяжно, приобретает первоначальный смысл. Слово в стихах, даже самое потрепанное, кажется свежим, только что созданным. И это ощущение очень важно для прозаиков.

Как я пишу внешне? Я думаю, что это не очень интересно. У каждого своя манера писать. Но иногда странные детали, мелочи говорят о вещах значительных. Есть писатели, которые могут писать на гранжах, на узких полосках бумаги. Я, например, не могу писать на узких полосках бумаги. Я пишу на широких, потому что когда мне все время нужно переносить строку, рука отстает от мысли. В процессе работы появляется много мыслей, требующих немедленной фиксации.

Я хочу немного остановиться на так называемых соседних областях искусства. Их нам, писателям, необходимо знать.

Прежде всего необходимо знать живопись. Почему? Потому, что художники обладают острым глазом. Они видят все гораздо точнее и богаче, чем мы.

Нас слепит — это привычка. В силу привычки мы не замечаем и половины того интересного, что нас окружает. В этом отношении живопись очень важна. Возьмите Левитана, наших пейзажистов. Вы пишете пейзаж. Для того, чтобы его написать, мало только «посмотреть». Нужно всмотреться и нужно знать. И художники учат нас этому: как нужно смотреть на пейзаж хотя бы в смысле света. Любой художник вам скажет, что есть прямое солнечное освещение, есть отраженное солнечное освещение, есть отраженный свет от соснового леса, есть пасмурный свет; свет после дождя не такой, как до дождя, и т. д. Такое пристальное вглядывание в природу, помноженное на знание (чтобы писать о природе, нужно знать астрономию, биологию, ботанику и т. д.), необходимо писателю.

Я уверен, что Петербург, его архитектурное величие, его стройность отразились на строгости и стройности некоторых строк из «Медного Всадника».

Пейзаж в ваших книгах не должен быть украшением. Тогда это мертвый кусок. Он должен подчеркивать мысль и состояние людей. Я не понимаю писателя, который не любит природу. Урбанисты мне чужды.

Заканчивая, я не хочу говорить высоких слов. Но я хотел бы закончить одним — и себе и вам напомнить простую истину, что раз пошел по писательскому пути, по этому замечательному пути, то никогда нельзя забывать, что мы являемся наследниками величайшей в мире литературы, самой блестящей, глубокой и справедливой.

Нам дано наследство, которое создавалось тысячелетиями, со всем богатством языка, со всем исключительным мастерством. Это принадлежит нам. Мы хранили этого и продолжали.

На нас — огромная ответственность. Мы дети своего века, своей страны, новой эпохи и поэтому должны создать литературу, которая ни в какой мере не может быть ниже литературы, полученной нами в наследство.

Этого мы еще не добились. Я не вижу глубокой ответственности каждого из пишущих за то, что он делает. Если кто-нибудь думает, что можно «проскочить», сработать не в полную силу, не в полную совесть, то народ этого ему никогда не простит.

Третье и последнее — на нас лежит задача величайшей ответственности, мы люди будущего. Далеких горизонтов нельзя упускать из виду.

Об этих трех огромных задачах, которые на нас лежат, никогда нельзя забывать. Надо держать их в сознании, и в этом деле я желаю вам наибольшей удачи.

Публикация Альберта ЛИХАНОВА
(Центральный архив СП СССР)

Пятилетка, молодежь, писатель...

ЗАВТРАШНИЙ

Леонид
ЖУХОВИЦКИЙ,
участник
IV Всесоюзного
совещания
молодых
писателей

Фото Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

БЕРЕГ

Как известно, в Набережных Челнах нет ни набережных, ни челнов. Более того, никогда не было. Умные люди говорят, что «Челны» пошли от татарского «чаллы» — то ли пасли тут некогда чалых коней, то ли растительность была чалая. А «Набережные» тоже новация: прежде были «Бережные» — не от «берег», а от «беречь» — стояли тут казаки, берегли границы государства.

За долгие десятилетия народ обкатал старое название, переименовал по своему вкусу — вот и вышли «Набережные Челны».

Очень хотелось верить в романтическое предположение, что в соответствующие времена к этому низкому берегу приставали расписные, острогрудые челны Степана Разина. Увы! Стенька Разин сюда не заходил.

Но!

Если бы имя для города при КамАЗе выбирали по конкурсу, вряд ли нашли бы лучшее. Пожалуй, ни одной крупной комсомольской стройке — а сегодня все крупные стройки комсомольские, ударные — так не повезло.

Конечно, старинный Братск тоже дал своей стройке красивое и точное название, словно бы

НА КОМСОМОЛЬСКИЙ СУББОТНИК.

РИЗ — РЕМОНТНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ЗАВОД — ПЕРВЕНЕЦ СРЕДИ ЗАВОДОВ АВТОГИГАНТА.

МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ МОЛОДОГО ГОРОДА

специально придуманное для великой гидроэлектростанции. И все же Набережные Челны, на мой взгляд, лучше. В этом неожиданном словосочетании — и вода, и история, и романтика, и загадка.

Отсюда вывод: надо уважать стихию, в том числе и стихию языка.

Кстати, у городов иногда возникают сложные отношения с собственными названиями. Бывает, имя приспосабливается к городской реальности, бывает, город подтягивается к имени. С Челнами, думаю, произойдет второе.

Уже сегодня, проходя странной улицей, упирающейся красивым фасадом в грязноватый овраг с лужицей на дне, с удивлением читаешь на продольной табличке: Набережная Тукая.

Вот и появилась набережная! Правда, берега еще нет, потому что нет воды. Но уже начата Нижнекамская ГЭС через несколько лет поднимет

Леонид Жуховицкий — прозаик, драматург и публицист. Его перу принадлежат такие известные широкому читателю книги, как «Остановиться, оглянуться...», «Иду за журавлем», «Легенда о Ричарде Тишкове», «Может, редко встретимся?» и другие. На сценах театров нашей страны и за рубежом в течение ряда лет с большим успехом идут пьесы Леонида Жуховицкого «Одни, без ангелов...», «Верхом на дельфине», «Выпьем за Колумба», «Орфей», «Система тревоги».

По командировке нашего журнала недавно Леонид Жуховицкий побывал в Набережных Челнах, где идет грандиозное строительство Камского автомобильного завода. Первый публицистический очерк писателя мы и предлагаем читателям.

Каму и приведет воду к заранее построенной набережной. Заливы нарежут город, превратят его районы в полуострова.

Риску предсказать, что в городе, столь богатом водой, появятся и челны.

Речь не о фигуральных «челнах» — теплоходах и «ракетах». Думаю, что местная молодежь, помимо непременных моторок, байдарок, яхт и «скифов», обязательно наладит производство челнов — расписных и острогрудых. Ведь строят же современные люди бальсовые плоты, лодки из папируса и старинные сибирские карбасы! А разве челны хуже? За ними история, о них одна из самых популярных песен! Наконец, они — в названии города...

Вот увидите, будут в Челнах челны. Будет праздник в честь Степана Разина, и самую красивую из городских пловчих раз в год будут бросать в прогутную солнцем летнюю Каму...

Каждый на КамАЗе ищет свое. Меня, литератора, больше всего интересовал современный молодой рабочий. Каков он сегодня — бетонщик, каменщик, монтажник?

Но стопроцентная целеустремленность для литератора опасна: стройка велика, жизнь ее многообразна, и в конце концов всегда найдешь именно то, что хочешь найти. А первое правило эвристики, полуполюгендарной науки о мышлении, звучит примерно так: «Если ты точно знаешь, куда идешь, ты не идешь никуда».

Поэтому в Челнах я взял себе за правило смотреть вокруг спокойно и непредвзято. На стройке нет неинтересного, нет случайного: за каждой мелочью — своя глубина, все по-своему закономерно...

СТРАННЫЕ ТРУСЫ

Встреча с молодежью.

Комната невелика — метров двадцать, наверное. Для красного уголка не худо бы и побольше. Не худо бы, да где взять?

Город строится с дальним и точным прицелом, типовых общежитий возводится ровно столько, сколько понадобится Челнам в будущем, когда строители уйдут. А пока под общежития умно и расчетливо используют обычные жилые дома.

И вот этот красный уголок, где стоит сейчас шесть-семь столиков, где тесно, но без обид разместились десятка три молодых строителей, где в тепле и уюте пьем мы в данный момент чай с конфетами, — этот красный уголок станет со временем просто чьей-нибудь квартирой в первом этаже.

Мы, трое литераторов, сидим за столом чуть поодаль, чтобы лучше было видно и нам и нас. Обстановка приятная и чуть торжественная. Уже рассказали мы о себе, уже ребята спросили нас о творческих планах, уже слегка прощались по современной литературе — не по нам персонально — мы гости, мы хорошие, — а вообще.

И тут я им задаю вопрос:

— Слушайте, ребята, а почему молодежь все же уезжает из Челнов?

За скнами — новый город, огромный современный массив, выросший на голом месте с поразительной быстротой, словно сказочный Иванушка пожелал, а та самая щука распорядилась. Новый город, которому нельзя не радоваться, которым нельзя не гордиться, где каждая улица стоит поэмы.

А я задаю такой странный, такой неуместный вопрос... Но что делать?

КамАЗ — не только уникальная стройка, но и уникальный эксперимент, верней, серия экспериментов. И каждый полученный результат должен быть детально изучен и точно описан. Победы КамАЗа, решения КамАЗа, трудности КамАЗа — все это опыт, который для будущих молодежных строев бесценен.

Если сегодня какие-то проблемы не решены, не нужно этого бояться, — нужно в этом спокойно разобраться. Разберемся в трудностях КамАЗа — легче будет на БАМе, на иных стройках, у которых пока еще нет ни утвержденных проектов, ни громких имен...

Кстати, тот же самый вопрос — может, другими словами — задавал я молодым строителям и в Темир-Тау, и в Кондопоге, и на Волго-Балте.

Живуча проблема!

Накануне я спросил одного из руководителей челнинской стройки: что его сейчас больше всего беспокоит?

Опытный, умный, очень деловой человек ответил с совсем несвойственной ему растерянностью:

— Не могу понять: почему они уезжают?

Хозяйственники говорят — текучесть. Социологи пишут — миграция. Звучит вроде приятнее, суть — та же...

— Так почему все-таки, а, ребята?

Не простой вопрос. Парни и девушки шевелят губами, думают.

Но плотная женщина с тугим узлом русских долос на затылке — воспитатель общежития — опережает их. Голос звучит уверенно. Она не колеблется, не размышляет, она знает точно:

— Конечно, попадаютсы маленькие дочки. Вот и не выдерживают трудностей — тут ведь не Сочи. Но пускай себе трусы бегут, КамАЗ все равно будет построен.

Согласны с ней ребята или нет — не знаю. Молчат. Вчерашние школьники, не привыкли еще спорить со старшими. А мне-то особенно интересно их мнение.

Как раз сегодня утром я побывал в отделе кадров КамГЭСа — главного строителя завода и города.

Отдел помещается в рядовой кирпичной пятиэтажке, окнами выходит в зеленый дворик. От улицы — в сторонке. Хорошее место, тихое.

Несколько лет назад зелени здесь было значительно меньше, зато шуму куда больше. Вся эта площадка кипела, как ярмарка. Змеились очереди, вагончики, стоящие в глубине двора, выпускали разнородных приезжих, а выпускали каменщиков, бетонщиков, отделочников, монтажников.

Сейчас таких очередей нет, стройка хоть и не на сто процентов, но кадрами укомплектована.

Однако жизнь идет. В скверике перед отделом кадров пусто только ночью. Кто нанимается, кто увольняется. Причины у каждого свои. А в результате состав строителей за год обновляется почти на треть.

Не нужно пугаться этой цифры. Текучесть кадров на КамАЗе не выходит из допустимых пределов, на многих стройках она выше.

Пугаться не надо, а вот задуматься стоит. Попробовать разобраться: что же заставляет тысячи людей ежегодно перемещаться с места на место, со стройки на стройку?

В отделе кадров сказали, что рабочих, прибывающих на стройку, можно разбить на три потока: те, что по комсомольским путевкам, вербованные по оргнабору и, наконец, те, что по вольному найму, то есть просто со стороны.

Кто же лучше всех приживается на стройке? Кого любят многоопытные и в силу своего тяжелого опыта несколько суровые кадровики?

Ответ для меня был довольно неожиданным.

Самые надежные — те, что со стороны.

Потом — вербованные.

А самые недолговечные — ребята с комсомольскими путевками.

Теперь бы в самый раз сказать, что комсомольские путевки выдают кому попало, идейную работу с отъезжающими не ведут — вот и выходит в результате...

Говорить так не надо: это не будет истиной.

По общему мнению, с комсомольскими путевками приезжают на стройку ребята отнюдь не худшие. Скорее наоборот. Тогда, значит, виновата стройка? Плохие вон приживаются, а хорошие бегут?

Я задаю эти напрашивающиеся вопросы для того, чтобы сразу отвести напрашивающиеся ответы. Проблема слишком серьезна, чтобы решать ее на пальцах, с помощью арифметической школьной логики. Так что подождем с формулировками — лучше поищем суть.

Вербованные заключают соглашения сроком на два года. За это полагаются определенные льготы. Нарушил соглашение, уехал раньше срока — будь добр, возвращай попусту потраченные на тебя средства. Не бог весть какие, но деньги. А деньги здравомыслящий человек возвращать не любит.

Комсомольская путевка выдается на год. Дальше — как обстоятельство, как настроение.

Словом, к вербованным, проработавшим на стройке два года, и к комсомольцам, проработавшим год, предъявлять претензии оснований нет. Что обещали — сделали.

Почему наиболее надежны поступившие по вольному найму, тоже можно понять.

Человек со стороны никаких договоров не подписывал, быть в первых рядах не обещал, проезд ему никто не оплачивал. Он приехал как бы на разведку: присмотреться, прислушаться, посоветоваться с парнем в трамвае, с женщиной в магазине. Не показалось — уехал. Он ничего не должен стройке, и стройка ничего не должна ему. Полная свобода выбора.

А человек, свободно выбирающий свое место в жизни, — самый надежный работник. Раз уж устался — значит, понарабился, и условия подошли, и перспективы устроили, и государственные планы, утвержденные в самых высоких инстанциях, в чем-то очень существенном совпадают с его личными планами...

Но дело в том, что с течением времени и ростом жизненного уровня процент приехавших самостоятельно и по оргнабору на стройках будет сокращаться — это ни для кого не секрет. А процент вчерашних десятиклассников все время возрастает и будет возрастать. Так что этот источник рабочей силы — самый мощный.

Вот почему приживаемость молодежи на стройках — сегодня важная, а завтра станет главной из кадровых проблем строительства.

Вот почему так нужно мне получить ответ от ребят, собравшихся в краем уголке.

А они молчат.

Тогда я ставлю вопрос по-другому:

— Ребята, если кто-нибудь из вас собирается уехать, — объясните, почему.

Молчат.

Впрочем, сам понимаю: не слишком умно в присутствии тридцати человек спрашивать о том, о чем куда лучше говорить с глазу на глаз. К тому же после столь жесткой формулировки воспитательницы. Легко разве им встать и сказать: «По такой-то и такой-то причине я трус»? К тому же тема деловая, а у нас не собрание — чай вот пьем...

Может, я и поверил бы в прямолинейное объяснение воспитательницы. Но тогда как быть со статистикой? В первый период стройки, когда трудности действительно были велики, когда людей селили в отдаленных деревнях, а грязь на площадке чуть не по пояс, приезжало людей значительно больше, чем уезжало. А теперь город зажил, в общежитиях — все удобства вплоть до мусоропровода, во Дворце культуры стены выложены мрамором, столовых, кафе и даже ресторанов хаает, в магазинах все есть. Но именно теперь в иные месяцы увольняется больше рабочих, чем прибывает.

Нет, от трудностей надо бежать значительно раньше...

Но вот встреча подходит к концу, мы встаем, и ребята встают — всей гурьбой провожают нас до автобуса.

Худой, в веснушках парень — Толик из Ленинграда, бетонщик, — трогает меня за локоть:

— Вы спросили, кто собирается уехать. Я собираюсь.

— Скоро?

— Наверное, зимой. Сейчас с ребятами договариваемся.

— И куда хотите?

— На Усть-Илим.

— Почему именно туда?

— Прочли в «Ровеснике» — там новый завод будет.

— А КамАЗ разве не завод?

— Так я хочу самостоятельный коллектив организовать, я на гитаре играю.

— Ну, и организовал бы тут.

— Мы уже решили, — говорит Толик.

Девушка из Казани собирается с подругой в Норильск. Парень, недавно из армии, мечтает о Магадане.

Конечно, Челны не Сочи. Но в Сочи никто и не собирается. Мелькают в разговоре названия северных и восточных строев.

Невысокий паренек, плотник из Минска, приставляется к разговору:

— А я в сентябре уеду.

— Далеко?

— На БАМ.

— Здесь что, не нравится?

— Да как вам сказать... Я ведь сюда ехал себя проверить. На что я способен. Выдержу или нет...

А тут — город как город, работа как работа. Живем в нормальных домах, в столовой тебе все подают. А там, наверное, палатки, да и зима не такая. Вот если там выдержу...

Да, странные трусы живут в Челнах...

УХОДЯТ ВМЕСТЕ С ЛЮДЬМИ...

Теперь у меня есть прекрасная возможность повернуть тему на 180 градусов и вместо того, чтобы ругать летунов, наоборот, восславить молодых энтузиастов, которые с трудной стройки рвутся на еще более трудную.

Но делать этого я не буду, потому что все мои похвалы и восторги тут же упрутся в экономику.

Конечно, Усть-Илим — важная стройка. И БАМ — важная из важных.

Ну, а КамАЗ не важная?

Огромная стройка в Челнах еще очень далека от завершения. Рабочие руки необходимы. И если сегодня кто-то отсюда уходит, — на его место нужен другой. Сто бетонщиков уехало с КамАЗа — сто приедет. Иначе стройку начнет лихорадить.

Если бы молодые строители перемещались с места на место с помощью ковра-самолета, беда была бы не так велика: ведь этот ковер — единственный тип самолета, не нуждающийся в горючем.

Увы, юные энтузиасты летают самолетами обычными — теми, что жгут нефть. И поездами ездят обыкновенными.

Но дело не только в транспортных расходах.

Последнее время перед увольнением человек думает не о работе, а об отъезде. Первое время по приезде — об устройстве. Пожалуй, и здесь применим слегка перефразированный закон командировок: месяц отъезда и месяц приезда — один месяц.

К тому же на каждой стройке — свои природные условия, своя техника, свои особенности, свой коллектив. И если одна бригада опытных монтажников едет с Ангары на Каму, а другая с Камы на Ангару — увы, и туда и туда приезжают новички.

Общее число строителей при этом, естественно, не меняется. Но если в знаменитом эйнштейновском уравнении энергия возрастает вместе со скоростью, то в строительном деле чем больше скорость передвижения молодых рабочих с площадки на площадку, тем меньше их энергии достается и КамАЗу, и Усть-Илиму, и БАМу.

Человеко-часы — очень скучное словосочетание. Но когда из-за проклятой текучести ежегодно летят на ветер миллионы этих самых человеко-часов, становится еще скучней...

А теперь представьте себе стройку, куда те же молодые ребята приезжали бы к первому колышку и оставались до последнего гвоздя. Стройку, которую все строители считали бы своей, которой дорожили бы и трудились бы соответственно... Впрочем, не будем давать волю воображению — и у фантазии есть свой минимум достоверности.

Мы часто и справедливо ругаем текучесть, но, увы, куда реже и торопливей исследуем ее причины. А ведь трудно лечить болезнь, не зная, что ее порождает.

Помню, на крупной степной стройке один довольно руководящий товарищ высказался так:

— Нам нужны строители комбината, а не те, кто приезжает сюда решать свои личные проблемы.

Понять этого товарища было можно. Ежедневно на различных объектах ему требовались монтажники, каменщики, бетонщики, крановщики, шоферы, штукатуры. Рабочие требовались! И он не хотел отапливаться, он знал не хотел, что из них молодой отец, кто спортсмен-разрядник, кто правдоискатель, кто мать-одиночка. Посторонние заботы были нашему руководителю ни к чему: на них уходило время, нервы, они вносили в планы, в ритм работы ощущение качки и сквозняка.

Более или менее успешно ему удавалось избавиться от всех этих внеслужебных дел, одновременно избавляясь и от рабочих. Ибо личные проблемы уходят только вместе с людьми. Со стройки, о которой идет речь, они и уходили — в количестве почти катастрофическом...

Кстати, молодежные стройки вообще поражают разнообразием, богатством и яркостью этих самых личных проблем. Причем бытовые — квартира или деньги на мотоцикл — не самые распространенные и уж наверняка не самые сложные. Приехал человек за квартирой — по крайней мере ясно, чего он хочет. Поставить на очередь, назвать примерный срок — три года, например, — и стройке гарантирован надежный, старательный работник, дорожающий своей репутацией.

А если человек, как тот паренек из Минска, приехал проверить себя? Как влиять на него, чтобы остался он в Челнах?

Таких проблем множество.

Вот, к примеру, юная москвичка захотела самолично узнать, действительно ли есть на свете настоящие люди или это только в газетах пишут? Взрослый, прочитав, улыбнется: обычная инфантильность. Но для нее-то проблема важна необычайно!

Парикмахер из Харькова перекавалифицировался в бетонщика. Решил попутешествовать, пока молодой. Посмотрит Каму — наверное, потянет на Амур.

Молодая учительница из Чернигова приехала, чтобы доказать матери, что она давно уже взрослый человек и имеет право распоряжаться своей судьбой. Несколько лет назад ее судьбой распорядилась мать... (Между прочим, что с учительницей будет дальше? Докажет — и уедет домой? Или не докажет — и уедет?)

Девушка из Иркутска — почти с нынешней трассы БАМ — приехала потому, что в какой-то газете прочла про существующее в Челнах литера-

турное объединение «Орфей». Назвали бы его «Камазовец» или «Молодой строитель» — может, и не приехала бы.

Парень-грузин прибыл из Тбилиси, где хорошо зарабатывал и где у родителей прекрасная квартира. Хочет строить КамАЗ и пожить в другой республике.

Две девушки, двадцати шести и двадцати восьми лет, прежде работали в Кемерово. Там свои стройки. Но им захотелось на эту. Почему? По газетам решили, что тут интересней. Обе незамужем.

Все эти причины при желании можно считать несущественными. Но нельзя считать их несуществующими...

А вот ленинградец Толя, первым подошедший ко мне после встречи в общежитии, покинул свой удивительный город потому, что хотел строить КамАЗ, и еще по целому ряду причин.

Его мать, человек волевой и властный, воспитала в детях целый ряд хороших качеств: трудолюбие, ответственность, привычку надеяться на самого себя. Но что-то не воспитала. Например, любовь к матери — к самой себе: считала, что любить обязан и так.

«И так» не получилось. Одна за другой от нее ушли дочери. Жизнь складывалась всяко, но о том, что ушли, ни разу не пожалели, и мысли вернуться не было.

Толя остался последним.

Какое-то время его удерживал дома отчим — болезненный, нелепый, смешной человек. Он мало зарабатывал, отличался безволием и бесхозяйственностью, стенки всех строений во дворе исписал собственными стихами. Стихи были плохие, но сам отчим Толе нравился. Иногда он раздражал, озадачивал, но чаще удивлял. Он жил легко, открыто и без всяких на то причин радовался бытию, словно небо над ним было светлей, чем над другими.

Года полтора назад он умер, и Толя сразу собрался на стройку.

Узнав, что и сын уходит, мать неожиданно, впервые в его памяти, заплакала: видно, дохнуло на нее старческим одиночеством. Толя — тоже впервые — ее пожалел. Но остаться уже не мог — хотелось другой жизни и, между прочим, собственных денег, чтобы посылать подарки любимым сестрам...

На КамАЗе Толя работал хорошо. Уедет на Усть-Илим — наверное, и там лениться не будет, потому что к безделью вообще не привык.

Толя молчалив, у него очень худое и очень грустное лицо. В Челнах у парня все сложилось нормально — и работа, и общежитие, и друзья есть. Но вот — уходит... Как сформулировать его личные проблемы?

Очень много ребят и девушек приехали просто строить КамАЗ. Наверное, им бы весьма обрадовался тот товарищ со степной стройки. Но, увы, и они не исключение.

Просто их личной проблемой становится сам КамАЗ.

Руководить такими ребятами очень нелегко. Как правило, они наиболее придирчивы ко всем неполадкам на стройке, порой совершенно нетерпимы к ошибкам руководства — ни мастерам, ни прорабам, ни начальству повыше не прощают ни малейшего промаха. Они бесстрашно выступают на всех собраниях, в их беспощадных руках «комсомольские прожектора» разгораются до прямотаки слепящего блеска. Если добавить, что многие из них вполне прилично владеют пером и регулярно посылают в местную и центральную печать то гневные, то ядовитые «сигналы», станет понятно, почему иные хозяйственники с тоской и нежностью вспоминают обычных рвачей — корыстных, но общественно пассивных.

Вообще у молодежи крупных строек накал «личных проблем» значительно выше среднего уровня.

Это легко объяснить. Ведь кто в первую очередь поднимается на новые места? Те, кого на старом месте что-то не удовлетворяло. Либо быт, либо коллектив, либо нет друзей, либо подвела любовь, либо нет простора для активной натуры. И на новое место человек везет не только все свои вопросы и надежды, но и вполне закономерное желание их решить.

Если же и попадет на стройку «беспроблемный» парень или девушка, — очень скоро перед ними поставит проблемы сама жизнь.

Человек всегда человек. Волокна собственного характера и разномастные нитки обстоятельств сами собой вяжутся в узелки, порой очень непростые.

Нет нужды специально выискивать случай особой сложности. Можно взять первую попавшуюся судьбу. Хотя бы такую...

Федя приехал на КамАЗ в июне семьдесят первого из башкирской деревни.

Собственно, настоящее его имя — Филгат, Филгат Тиммергазин.

В Челнах, где сегодня языков и наречий, пожалуй, побольше, чем в древнем Вавилоне, русский разговорный — универсальное средство общения. Поэтому людьми самых разных национальностей он воспринимается не как чужой язык, а как общий. Как общине используются и русские имена. Мухтар становится Мишей, татарочка Софий — Соней, а Филгат стал Федей.

К тому времени он уже отслужил в армии, имел ходовую на любой стройке специальности и сразу же был взят шофером на лужку-спецпомощь: обслуживать экскаваторы и бульдозеры. С жильем тогда было тоскливо, и поселили Федю в деревне, за 50 километров от Челнов. Квартировал он у гостеприимной бабуши, которой великая стройка платила за каждого жильца червонец в месяц.

Каждое утро вахтенный автобус возил Федю к месту работы по пыльной и тряской полоске земли, которую человек с воображением вполне мог назвать дорогой.

Впрочем, у этого транспорта было и свое большое достоинство: именно в вахтенном автобусе Федя познакомился с Розой, своей будущей женой.

Феде был тогда двадцать один год, Розе — семнадцать. В обычном городе они считались бы просто подростками детьми. Но здесь, в Челнах, они жили самостоятельно, кормились на собственные, заработанные деньги, а потому были взрослыми людьми. Когда через год они поженятся, никого из новых знакомых это не удивило.

Ко дню свадьбы оба жили уже в городе, в общежитиях — он в мужском, она, понятно, в женском.

Этот порядок, в принципе естественный и мудрый, тем не менее молодоженам доставлял некоторые понятные неудобства. Мириться с ним Федя не хотел и снял чуланчик в Старых Челнах, в деревянном домишке, в грядущем обреченном на слом, а до тех пор вполне способном дать человеку пристанище. Лишних денег у Феде не было, тем более что Роза как раз училась в ГПТУ на маляра-штукатур. Но начинающие супруги решили — на мой взгляд, совершенно справедливо, — что медовый месяц стоит тридцати рублей.

Двое жили в чулане радостно и без особых забот до того момента, пока не возникла возможность появления третьего.

Сразу же обнаружилось сложности. Главная из них — проблема крыши над головой. Чуланчик сразу стал убежищем ненадежным: даже самые неприхотливые хозяйки не любят просыпаться ночью от плача чужих детей.

Что было делать Феде? Варианты, в общем-то, тривиальны, перечислить их нетрудно.

Можно было двинуться по инстанциям и, обойдя с десяток имеющих власть людей, выбить или выплакать квартиру или хотя бы комнату в мало-семейке.

Можно было, как это сейчас и делается в большинстве случаев, подкинуть ребенка родителям. Ведь старикам куда деться? Ужмутся, потеснятся, а внука на улицу не выбросят.

Можно было просто уехать со стройки, поискать крышу понадежней.

И, наконец, можно было избрать еще один вариант: выражаясь деликатно, повременить с ребеночком.

Как видим, выбор достаточный.

Решение обычно зависит от человека. Что же за человек Федя?

Роста он среднего, щупловат, особой красотой не наделен: черты лица мелкие, волосы кудрявые, но цвета смешанного, какого-то черно-рыжего. Одет Федя удобно, но к моде не относится никак. Говорит по-русски с сильным акцентом.

При всем при том Федя имеет и большой козырь: он добродушен, практически всегда в хорошем настроении, на людей смотрит с постоянной симпатией. Едва ли не каждую минуту на лице его возникает улыбка, будто лампочка вспыхивает в глубине лица. Улыбка застенчивая, но устоять перед ней трудно. Предполагаю, что очень симпатичная Роза вышла за Федю замуж именно потому, что он вовремя улыбнулся.

Так вот, вариант кабинетных сидений, локтя и слезы Феде не годился: ни скандалить, ни плакаться он не умеет.

Родители? Но Федя у родителей — один из пяти детей, Роза — одна из семи. И оба с детства приучены старших любить и ценить, но надеяться больше на себя.

Уехать со стройки? Но Федя не был романтиком, никогда не пел знаменитую «Бригантину» и не верил в могущество географии. Он знал, что, перемещаясь в пространстве, человек увозит с собой и свои заботы.

Оставалось одно — повременить с ребенком.

Однако Федя времени с ребенком не стал, да и все прочие варианты толком не обдумывал, потому что щупловатый парень из башкирской деревни с самого начала знал то, о чем его городские сверстники обычно даже не догадываются: когда человеку необходим дом — надо его построить.

Что есть дом? Стройматериалы плюс плотник, кровельщик, стекольщик, печник, электрик, маляр — вроде никого из нужных людей я не забыл.

Стройматериалы Федя собирал по всем свал-

кам города. Из выброшенных досок вытаскивал ржавые гвозди, соскребал ошметки бетона. Он подбирал колотый кирпич, железки неопределенного назначения, обрезки проволоки и обрывки провода. Все это стаскивал во двор общежития, где жил, — иной строительной площадки у Феде не было. Только стекло, гвозди, скобы и еще кое-что, на свалках не валявшееся, пришлось купить. Что же касается плотника, кровельщика, стекольщика, печника, электрика и маляра, то они были под рукой — целая бригада по имени Филгат Тимергазин.

Невероятно, но факт — Федя построил дом один. В течение трех месяцев каждый день после работы возился он во дворе общежития и сам ставил брусья, сам ладил поперечины, сам строил рамы, сам стеклил, сам гнал проводку, сам клал печь.

Если вы представляете себе убогую халупу, в которой с грехом пополам можно перетоптаться месяц-другой, вы ошиблись. То, что выстроил Федя, действительно дом. Шестнадцатиметровая комната изнутри оклеена обоями, потолок обшит картоном, под потолком трубка дневного света — подарок друга на новоселье. Пол и стены утеплены пенопластом и всяким выброшенным строителями барахлом, которое «барахло» лишь до тех пор, пока не пошло в дело. Еще — кухня, еще — сени. И все это не на фундаменте, а на полах. Так лучше, к месту не привязан. Надоела улица — переехал на другую...

Роза отправилась рожать в деревню, к родителям. Федя остался — днем работал, вечером крыл крышу и красил пол. Он не употреблял словицу насчет рая в шалаше, но шалаш построил на довести.

Уезжала Роза из общежития, а вернулась в свой дом. За неделю до ее приезда Федя впервые воспользовался помощью — родной брат, бульдозерист, вечером прицепил Федин дом к бульдозеру и перевез на окраину города, на пустырь, чтоб никому не мешал.

Всю зиму детская кроватка стояла у окна — в домике было достаточно тепло, а в щели не дуло ввиду отсутствия щелей.

Известно, что бараки, поставленные на два года, стоят потом два десятилетия. Поэтому с самого начала было решено строить КамАЗ без временок. Однако жизнь есть жизнь — хоть и в малом количестве, но временки появились. Биографию одной из них я рассказал.

Попробуем теперь разобраться в этой довольно противоречивой истории.

Федя нарушил решение горсовета, запрещаю-

ракти. Судите сами: молодой парень, по нынешним временам мальчик, не просто женился — этим никого не удивишь, — но взял на себя полную ответственность за семью и решил все ее довольно сложные проблемы, не прибегая ни к чьей помощи — ни родителей, ни профкома, ни горсовета, ни даже товарищей. Причем, не забудьте, решал он их в свободное, вечернее время. А днем решал проблемы государственные — в автотранспортном цехе КамАЗа Федя — один из лучших, самых безотказных шоферов.

О человеке, заслуживающем уважения, иногда говорят: самостоятельный. Федя самостоятелен в прямом и точном смысле слова. Каких-нибудь пятьдесят лет назад толковый крестьянин в своем мире был универсален, как Леонардо да Винчи. Сейчас эпоха специалистов. И все же радостно, что в нашей огромной, полной еще не освоенных

**ЗАСЕДАЕТ КОМСОМОЛЬСКИЙ
ШТАБ СТРОЙКИ.**

ЗА РАБОТОЙ — АРХИТЕКТОРЫ.

**ДЕНЬ — РАБОТЕ И УЧЕБЕ,
ВЕЧЕР — СТИХАМ.**

пространств стране есть люди, способные в одиночку построить дом.

С военных лет вошла в обиход высокая похвала: «С таким можно пойти в разведку». От частого употребления она стерлась и почти потеряла свое конкретное значение. Сегодня, произнося эту фразу, имеют в виду прежде всего нравственные качества. Но ведь для работы в разведке — и военной, и геологической, и другой — мало быть и идейно выдержанным и морально устойчивым. Нужно многое, очень многое уметь.

Федя, мне кажется, в любой разведке был бы человеком незаменимым. В трудный момент он не только захотел бы, но и сумел бы помочь.

Когда я спросил его, как он ухитрился один сладить дом, Федя застенялся, включил свою неотразимую улыбку и пробормотал:

— Я же деревенский парень...

Кстати, незадолго перед отъездом из Челнов я слышал, как Федя негромко, словно стыдясь привлечь к себе внимание, интересовался у знакомых: какие слухи про БАМ, не нужны ли там шоферы?

Не исключено, что в следующий раз я его встречу не в Челнах, а в Тынде или Звездном. Что же, и он тогда будет трус?

...Стройкам нужны рабочие руки, очень нужны. В какой-то степени это объясняет неприязнь к «текущим» кадрам. Но если бы эта неприязнь могла хоть в чем-нибудь помочь делу!

За каждой парой рабочих рук стоит человек с его судьбой и неповторимой личностью. Чтобы удержаться на КамАЗе или в Усть-Куте нужны руки, необходимо прежде всего понять личные проблемы их хозяина.

Иначе дело не сдвинется с места ни на шаг, сколько бы мы ни уговаривали друг друга, что со строек уходят только трусы да рвачи.

Впрочем, у нас еще будет повод поговорить и о рвачах...

щее строить временки, — и это очень плохо. Зато он избавил горсовет же от всяких хлопот о собственном жилищном положении — хорошо! Половину стройматериалов, пошедших на домик, Федя собрал по свалкам — плохо. Еще хуже, что материалы эти, годные в дело, оказались на свалке. Зато они не сгорели и не сгнили, а пошли на пол, стены и крышу человеческого жилья — хорошо!

Временки, даже такие симпатичные, как Фебина, не украшают город — плохо! Зато родился новый человек, а ничто так не украшает города, как дети, — хорошо!

Лично меня в этой истории при всех ее сложностях, бесспорно, порадовало одно — Федин ха-

**ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ
II ВСЕСОЮЗНОГО
СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

Аньер БИКЧЕНТАЕВ, лауреат премии имени Г. Саяма:

— Участие в совещании молодых писателей — очень интересное и важное дело в судьбе молодого литератора. Особенно это касается авторов из дальних городов. Ведь когда живешь, положим, в Уфе, Иркутске или Хабаровске, то нередко кажется, что после выхода первой книги ты уже настоящий писатель и почти всего достиг. В молодом возрасте нередко переоцениваешь себя. Это часто случается со многими...

Вот с таким ощущением приехал и я четверть века назад на совещание в Москву. Семинаром, в котором я занимался, руководил Борис Горбатов.

На этом совещании я почувствовал, как оно мне было необходимо. Тогда же сделал для себя немало почетных выводов. Прежде всего понял: то, что я сделал, — это еще очень и очень мало.

В годы юности (а было это, кажется, совсем недавно) я жил и работал на Дальнем Востоке, куда приехал учительствовать по заданию комсомола и Наркомпроса РСФСР. Тогда это были глухие нехоженые места... Сейчас там юность страны возводит Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль. Я был первым учителем в том краю, первым комсомольцем. Но я учил не только детей, но и участвовал в организации колхоза, создавал комсомольскую ячейку. Было мне неполных 18 лет...

Вот по этим воспоминаниям пишу сейчас повесть, которую назову «Труби счастье у неведомых дверей».

Если писатель хочет создать что-либо настоящее, он должен занимать твердую и определенную позицию в жизни, правильно понимать свою роль и предназначение в современном обществе. Сегодня писатель не может быть нейтральным.

Молодым желаю прежде всего хорошо, по-настоящему трудиться. Без труда, безмерного, беззаветного, самоотверженного, не будет ни писателя, ни настоящего человека.

Константин ВАНШЕНКИН, лауреат Всесоюзного конкурса имени Н. Островского:

— Я участвовал во II Всесоюзном совещании молодых писателей, состоявшемся в марте 1951 года. В то

время я был студентом Литературного института имени А. М. Горького. Литинститут того времени, как показали последующие годы, был укомплектован сильными студентами, многие из которых — участники Великой Отечественной войны. Они хотели сказать свое слово о войне. Им было о чем сказать...

Творческие семинары, в которых мы занимались, для нас, студентов Литинститута, в общем-то не были новинкой. И тем не менее они очень многое дали нам.

Большим событием моей жизни стало знакомство на этом совещании с Александром Трифоновичем Твардовским. Он весьма высоко оценил мои стихи, пригласил печататься.

В конце работы совещания в Доме культуры «Правды» при колоссальном стечении народа состоялся литературный вечер. Я читал на нем стихотворение «Мальчишка», первое мое стихотворение, принесшее мне определенную известность.

В том же году я выпустил первую книгу стихов и был принят в члены Союза писателей...

В последнее время стихов пишу мало. С годами стихи, как известно, пишутся все меньше и все реже... И тем не менее у меня снова набралась их новая книга.

Скоро в издательстве «Художественная литература» выйдет двухтомник избранных моих произведений. В нем собраны стихи за 30 лет.

Сейчас работаю над книгой воспоминаний, заметок, размышлений. Пишу прозу.

Участникам шестого совещания, всем молодым писателям, как, впрочем, и не молодым, я хочу сказать: больше требовательности к себе, серьезности в оценке собственных возможностей, веры в себя.

Евгений ВИНОКУРОВ, лауреат премии имени Дж. Неру:

— Я был участником II Всесоюзного совещания молодых писателей, проходившего в 1951 году. Без сомнения, работа в семинаре, которым руководил Семен Гудзенко, поэт, к тому времени уже сложившийся, известный, дала многое. Несмотря на то, что я был на несколько лет моложе, меня с Гудзенко связывали хорошие, товарищеские творческие отношения. Значительным событием в судьбе участников совещания было и общение с большими мастерами слова. Помнится, как Твардовский зашел однажды на одно из занятий нашего семинара — послушать. Мое стихотворение «Гамлет» и «Мальчишка» К. Ваншенкина ему понравились. И если учесть, как скуп на похвалы был Александр Трифонович, как строг в оценке поэтической работы, то можно представить, что значило для меня, поэта начинающего, это расположение. Вскоре мои стихи опубликовал журнал «Новый мир», главным редактором которого был А. Т. Твардовский. Сразу же после совещания вышел и мой первый сборник — «Стихи о долге». Затем последовали «Военная лирика», «Признание», «Лицо человеческое», «Слово», «Музыка» и другие. Совещание, уверен, сыграло большую роль не только в моей творческой судьбе.

Я с благодарностью думаю сейчас о дружбе с Самуилом Яковлевичем Маршаким, внимательно следившим за моей работой в поэзии.

Помогать начинающим авторам, вовремя поддерживать их — это, пожалуй, одна из характерных черт нашей литературы вообще и в частности поэзии. Открытие нового, никому не известного поэта — всегда радостное событие. Хотя бы потому, что оно обогащает нашу поэзию. Помню, как одна девочка на занятии литературного кружка читала стихи. Это было в середине 50-х годов. Тогда же мы предложили «Комсомольской правде» подборку ее стихов. Так состоялось первое знакомство с новой талантливой поэтессой. Это была Б. Ахмадулина.

О своей нынешней работе могу сказать, что сдал в издательство «Советский писатель» новую книгу стихов. Важна для меня и другая книга — статьи о классической поэзии. Испытываю потребность работать с огромным материалом, не вошедшим в стихи. Но по что это выльется — в короткую прозу или в свободные, нерифмованные стихи, — сказать еще трудно...

Адам ШОГЕНЦУКОВ, народный поэт Кабардино-Балкарии, председатель правления Союза писателей КБАССР:

— Я был участником II Всесоюзного совещания молодых писателей. Оно оставило у меня неизгладимо отрадное и сильное впечатление своей атмосферой духовности и высокой интеллектуальности. Этой атмосферой были пронизаны и доклады на пленарных заседаниях и выступления руководителей семинаров. Здесь я впервые почувствовал важность гражданской ответственности писателя перед народом, партией, перед родной землей за свой творческий труд. Это совещание вызвало во мне жажду творческого поиска и стремление отобразить в своей поэзии и прозе социально активный характер нашего современника, человека мужественно и плодотворно создающего.

Никогда не забуду своих встреч на совещании с выдающимися русскими писателями и поэтами — Михаилом Пришвиным, Леонидом Леоновым, Николаем Тихоновым, Михаилом Исаковским, которые заботливо и мудро вводили нас в свою творческую лабораторию, делились опытом художественного мастерства и всестороннего знания жизни.

Шестое по счету Всесоюзное совещание молодых писателей, я надеюсь, явится серьезной школой воспитания молодых литературно одаренных людей. Его участникам от всего сердца желаю глубокого знания жизни, приобщения к сфере труда. Идти не просто по пути внешних событий, а как можно полнее осмысливать явления жизни, живое движение сегодняшнего дня. И еще. Искать и находить горизонты неизведанного, новые образы и характеры людей, людей созидания и героизма, нравственной чистоты и гражданской искренности — в этом призвание, долг и счастье художника в современном обществе.

**1956 год.
III Всесоюзное
совещание
МОЛОДЫХ
писателей.**

Петр БРОВКА:

**ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ
III ВСЕСОЮЗНОГО
СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

глубокий, профессиональный разговор о конкретных стихах и строках, о поэзии как о «состоянии души», о назначении художника в мире — все это было блестяще, поучительно.

Если подводить итоги сделанному за эти годы, могу сказать, что издано около тридцати моих книг, из них на латышском — четырнадцать. Выходили сборники на русском, грузинском, украинском, якутском, болгарском языках. Общий тираж — кто-то подсчитал — больше семисот тысяч.

Работаю преимущественно в поэзии. Обожаю верлибр — даже в стихах для детей. Иногда поэт может укрыться, допустим, за рифмой, за четким ритмом, а верлибр гол, обнажен, нервен. И, конечно, чрезвычайно труден. Хотя издана моя повесть «Глазами тех детей» — о молодежи, о становлении Советской Латвии в 1940—1941 годы, — к прозаическим вещам обращаюсь редко — «держит» поэзия. Одновременно писать стихи и прозу, думаю, невозможно: получается прозаическая поэзия или, наоборот, поэтизированная проза.

Занимался и занимаюсь переводами. Переводил стихи В. Маяковского, А. Вознесенского, Р. Рождественского, вышла книга моих переводов венгерского поэта А. Йозефа под названием «Очень больно». Лежат в столе переводы стихов любимого моего поэта Марины Цветаевой, но публиковать их считаю пока преждевременным. Дело в том, что русский и латышский языки не родственны, и поэту надо создать полный — по чувству, по языковому богатству, по интонационному звучанию — аналог стихотворения М. Цветаевой технически сложно; необходима кропотливая работа.

Что сказать о планах? Совсем недавно сдал в издательство книгу для детей. Называется она так: «Карман». Может быть, обращали внимание, что обычно таскают мальчишки в своих карманах? На взгляд взрослого — всякая всячина... Скоро пойдет в производство еще одна моя книга — для взрослого читателя. Окончательного названия еще нет, только рабочее... О более далеких замыслах говорить рано. Хочу попробовать силы в драматургии — написать пьесу для кукольного театра.

Ояр ВАЧИТИС, лауреат Государственной премии Латвийской ССР:

— Почти за двадцать лет, прошедших с III совещания, мы все — тогда совсем молодые, если не юные литераторы — повзрослели. Большинство из нас приехало на совещание даже без книг — с первыми рукописями стихов и рассказов. Встреча эта помнится до сих пор. Думаю, что творческий заряд, тот будоражащий импульс, который мы увезли в себе (не с собой, а именно в себе!), от общения с мастерами литературы сейчас переоценить трудно. Мне повезло: вместе с Д. Павлычко, Ф. Алиевой, Л. Мосаловым, Л. Костенко я попал в семинар, которым руководил Михаил Арнадьевич Светлов. Его искрометный юмор и одновременно

"Кому много дается, с того многое и спрашивается"

Недавно в «Правде» была опубликована статья народного поэта Белоруссии Якуба Коласа. Якуб Колас, как настоящий художник слова, учит молодых писателей да и нас, людей старшего поколения, что надо делать, чтобы стать действительно художником своего народа. Он совершенно правильно видит главное в том, что «...труд писателя находится в прямой зависимости от созидательного труда советских людей. Чем ближе ты приобщился к нему, тем сильнее ты как художник, тем богаче ты красками и образами. Нашей литературной молодежи следует основательно закреплять свои трудовые связи в советском обществе».

Вот в связи с этим мне и хочется сказать несколько слов о литературной молодежи.

В послевоенные годы в литературу пришла мо-

лодежь с настоящим жизненным опытом. Бывшие учителя и агрономы, зоотехники и мастера с заводов, комсомольские работники, прошедшие суровую школу войны, внесли в нашу литературу дыхание нового, то, чем действительно живет сегодня народ.

К нашей радости, сегодняшняя литературная молодежь начинает с профессиональной точки зрения лучше, чем начинали мы в свое время.

Это и понятно: неизмеримо вырос общий культурный уровень народа, молодые литераторы прошли хорошую советскую школу, впитав богатейший опыт нашей великой многонациональной советской литературы. Поэтому сократился, если можно так выразиться, вегетационный период творчества. От начала литературной деятельности до создания заметных художественных про-

изведений сегодня проходит меньше времени, чем раньше.

Об учебе: слов нет, старшие должны оказывать постоянную творческую помощь молодым. Но молодые должны понимать, что главное зависит от них самих. Потому что лучшие учителя всегда рядом с ними: это книги Пушкина, Толстого, Некрасова, Горького, Маяковского и многих других классиков, а также современных мастеров...

Товарищи, нигде не уделяется столько внимания молодым талантам, как в Советском Союзе. Им очень многое дается, но с них многое и спрашивается. Так будем же как можно больше работать над воспитанием нашей литературной смены! Молодые же должны учиться и учиться, неустанно овладевая литературным мастерством.

Публикация Андрея БАТАШЕВА
(Центральный архив ВЛКСМ)

Юстасис МАРЦИНКВИЧЮС,
лауреат Государственной
премии Литовской ССР и
республиканской комсомольской премии:

— Я был участником совещания молодых в 1956 году. Шел мне тогда уже 26-й год, но большинство участников были еще старше меня. Вряд ли нынешний форум молодых будет помоложе... В будущем, на мой взгляд, надо решительно омолодить совещания молодых. Конечно, бывают исключения, но к 30 годам человек уже все-таки должен определиться. Сверстники 30-летнего, все еще молодого поэта, в других областях жизни вполне сложившиеся люди: руководители, главные инженеры предприятий, врачи, учителя, научные сотрудники...

Вот и хочется пожелать нынешним молодым не засиживаться в молодых: работать настойчиво, вдохновенно и с самоотдачей, требующей, как говорил поэт, «полной гибели всерьез».

Совещание не создаст писателя, но оно должно удвоить, утроить усилия и решимость начинающих, должно стать событием, от которого можно вести, собственно, летоисчисление.

Чтобы совещание стало таковым, не в малой степени зависит от руководителей и консультантов в творческих семинарах — в их обязанности входит не столько разговор о литературе, сколько при помощи литературы — разговор о жизни, страстной, откровенный, серьезный.

Писатель растет на чувстве жизни и на чувстве ответственности. Разговор об этом, притом разговор дву-

сторонний, мне представляется очень желательным при любой встрече с молодыми.

Хочется также пожелать, чтобы консультанты творческих семинаров нынешнего и будущих совещаний не теряли из виду своих учеников, чтобы и в дальнейшем они следили за их творческой судьбой, проявляя эту заинтересованность откликами, статьями в печати, советами, помощью при составлении новой книги.

Я часто вспоминаю 1956 год, то радостное чувство, что стал богаче от услышанного и увиденного, от встреч и знакомств, от диспутов, которые продолжались и за пределами творческих семинаров, от жажды сказать свое слово, наконец, просто от собственной молодости.

Я до сих пор внимательно слежу за творчеством других участников семинара, например, осетинца Нафи Джусубты или москвича Валентина Берестова.

А что касается моих творческих планов, то они не сложны на сегодняшний день: это книга лирики в новом году, третья часть драматической трилогии и редактирование собрания сочинений на литовском языке моего любимейшего поэта Адама Мицкевича.

Дмитро ПАВЛЫЧКО, лауреат
республиканской премии
имени Н. Островского:

— ...Благо, когда в самом начале творческого пути молодой литератор имеет возможность общаться с мастером, слышать его оценку, его мнение. Я думаю об этом сейчас в связи с готовящимся VI совещанием молодых, вспоминаю год 1951-й... Несмотря на то, что к тому времени у меня уже

вышли три книги стихов (одна из них — в Москве, в издательстве «Молодая гвардия»), знакомство друг с другом, споры, размышления — все это было для меня значительным событием. И действительно, встретились поэты, прозаики, критики, драматурги из всех республик; встретились молодые, резкие, вдумчивые, талантливые — самые разные; каждый находился не только в приподнятом настроении, в состоянии внутреннего праздника, но — и это много важнее! — каждый чувствовал ответственность за свое, только начавшееся творчество и даже за будущее нашей литературы. Так было на II совещании, так было и на последующих. Хочется, чтобы и нынешнее прошло в атмосфере деловой, заинтересованной.

В прошлом году совещание молодых писателей было проведено и в нашей республике. Оно вывело немало талантливых авторов. Среди них мне бы хотелось назвать прозаика Н. Вигуя, поэтов Г. Гурелики, В. Лукана, П. Сагайдака, В. Маругу. Эти литераторы показали интересные, свежие, самобытные произведения; и я был огорчен лишь одним: не удалось узнать и прочитать всех молодых.

Как оценить свою работу за прошедшие двадцать с лишним лет? Оценивать не берусь, а сказать о том, что сделано и что делается, можно.

Я начал как поэт, и до сих пор поэзия — главное мое призвание. Недавно изданы «Сонеты подольской осени», книга лирических стихотворений «Таинство твоего лица», книга для детей. На столе лежит рукопись нового сборника «Костер».

Все это время я занимался переводами. В двухтомной «Антологии болгарской поэзии», вышедшей на украинском языке, помещено много стихов Н. Вапцарова в моих переводах. Для того, чтобы подготовить книгу переводов замечательного кубинского поэта Хосе Марти, мне пришлось побывать на Кубе, изучать язык. Недавно вышел на украинском языке сборник лучших стихов русских военных поэтов. Занимаясь переводами почти со всех славянских языков, редактирую журнал «Всесвіт» (он ставит те же цели, что и «Иностранная литература»), я утвердился в том, что переводческая деятельность —

благодарная, нужная! — требует проникновения не только в стили чужого языка, но и понимания сути переводимого поэта, его неповторимости.

В наше время редкий писатель может заниматься только сочинительством своих произведений. К десяти-томоному собранию сочинений А. Малышко мною написано большое предисловие, потребовавшее углубленного анализа творчества писателя. Напечатаны статьи о Я. Ивашкевиче, А. Эзюперы, В. Стефанике. По моему сценарию снят фильм «Сон» — о великом кобзаре Т. Г. Шевченко.

Все чаще думаю о том, чтобы попробовать писать прозу...

Юрий ПИЛЯР:

— Мне повезло быть участником III Всесоюзного совещания молодых писателей, которое состоялось в начале 1956 года. Я говорю «повезло», потому что это совещание, несмотря на относительную кратковременность, было хорошей школой профессионального мастерства и идейной закалки для многих тогда молодых литераторов из разных уголков нашей Родины.

Неизгладимое впечатление на всех нас произвело отечески теплое, уважительное и доверительное выступление Михаила Александровича Шолохова. Он советовал молодым литераторам больше и серьезнее работать над языком своих произведений, а издателей с неповторимым шолоховским юмором упрекнул в излишней робости при решении вопроса принимать или не принимать к печати книги начинающих

писателей. М. А. Шолохов предостерегал от опасности появления литературных «перестарков» или «векух» как следствие этой робости издателей.

Необычно интересными, поучительными были беседы с нашими признанными мастерами — Леонидом Леоновым, Валентином Катаевым. Они щедро делились своим писательским опытом, секретами мастерства, обстоятельно отвечали на все вопросы. А вопросов у нас, начинающих, было великое множество...

Я был рад на этом совещании познакомиться с первыми книгами товарищей по семинару — сибиряка И. Лаврова, уральца С. Мелешина, москвичей В. Михайлова и Л. Почивалова. Лично мне много дало общение с ныне покойным В. Н. Ажаевым, в то время секретарем правления СП СССР. Василий Николаевич принял участие в обсуждении моей повести «Все это было» и сделал ряд ценных замечаний.

То памятное совещание явилось для многих из нас путевкой в большую жизнь литературы. Я в числе других летом того же года был принят в члены Союза писателей.

С тех пор прошло почти два десятилетия. Имена многих участников третьего совещания молодых писателей ныне стали широко известными.

Последнее время мне приходится читать много рукописей начинающих литераторов, причем не столько молодых, сколько уже не молодых, главным образом участников Великой Отечественной войны, людей нередко одаренных, но еще не сказавших своего слова об этой битве. В меру моих сил стараюсь им помочь... Помогаю я также и литераторам из числа армейской молодежи: здесь немало способных авторов. Среди них хотелось бы назвать Владимира Возникова и Виктора Клюева. Минувший, 1974 год был для меня годом работы над циклом рассказов об однопольчанах. Сейчас я работаю над новой повестью о москвичах — наших современниках.

Участником предстоящего, шестого совещания молодых писателей я желаю побольше строгости и доброжелательности при обсуждении произведений своих коллег и новых успехов в очень трудной, но и самой прекрасной писательской работе.

Мальчишки играли «в войну»... А потом игра начиналась всерьез — вчерашние мальчишки уходили на фронты гражданской, Великой Отечественной. А потом те, что вернулись, уже смотрели на ребят, повторяющих их детство, и думали: «Не дай бог пережить с нами!» Наверно, играли когда-то «в войну» и мальчишка Олег

Кошечкой, и мальчишка Сережа Тюлений, и мальчишка Ваня Земнухов... Совсем еще юные, скакали они на горячих «конях», на скаку рубили «врагов» деревянными саблями. Тогда они еще не знали, что их война будет серьезнее и страшнее. Они еще не знали, что не дойдут до светлого дня Победы. Они еще не знали, что станут героями. Они даже не догадывались, что грядущие, или, как принято говорить, послевоенные, поколения будут играть в них, в монодогвардейцев. В чем, по-вашему, Анатолий Георгиевич, особая притягательность характеров молодых краснодонцев! Только ли в их героичности!

— Думаю, что не только... Причина этой необыкновенной притягательности героев бессмертного фадеевского романа, пришедших в книгу прямо из жизни, по-моему, и в том, что они.

Фото Бориса Задвила

ОБРАЩЕНИЕ К

СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДЕТСКОГО ТЕАТРА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

краснодонцы, совсем такие же, как их сегодняшние сверстники. Они так же учились в школе: и тройки порой хватали и радовались пятеркам. Так же дружили, так же влюблялись, пели комсомольские песни и не прощали подлости и предательства. И героизм их нельзя рассматривать в отрыве от этой их «обычности», оказавшейся столь необычной для фашистов. Да, как же это все необычно для фашистского фельдкомманданта Клера: верность клятве, готовность отдать жизнь за высокие идеалы. И уж совсем непонятно: почему «кусочек картона» — комсомольский билет — для краснодонца святыня! Именно в этом споре с Клером, хитрым и ловким иезуитом, — столкновение двух несовместимых взглядов на жизнь, на верность долгу, двух несовместимых идеологий.

— По приказу Клера молодогвардейцев сбрасывают в шурф шахты. И все же у зрителей пьесы, созданной вами по роману А. Фадеева, возникает нерушимое убеждение: худые, изможденные, плохо одетые и безоружные мальчишки и девочки одержали победу над заткнутым в мундир, сытым и, как говорится, до зубов вооруженным Клером. В чем главный смысл этой победы!

— На авансцене происходит битва мировоззрений. Клер — опытный ловец человеческих душ.

ПОДВИГУ

Анатолий АЛЕКСИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола
и Государственной
премии РСФСР
имени Н. К. Крупской,
участник
I Всесоюзного
совещания
молодых писателей,
отвечает на вопросы
«Смены»

Он твердо, а вернее сказать, твердолюбо верит, что каждый человек в основе своей слаб и что слабость его — это... любовь. Любовь к жизни. Любовь к матери. Любовь к девушке. «Сыграть на этой любви, заставить сломаться (ведь любовь, по мнению Клера, слаба!) — вот главная задача фельдкомманданта. «Разве не ясно, — думает он, — что извечный конфликт между долгом и счастьем, благополучием заранее предreshen: благополучие дороже». Так думает Клер... И сколько же в его «теории» обывательского, несмотря на всю ее внешнюю отточенность и даже эlegantность! Клер умудрен опытом и возрастом. Но шестнадцатилетний мальчишка Олег Кошевой оказывается сильнее философствующего фашиста. Война, по сути-то, ничего не изменила в Олеге. Он говорит и поступает так, как говорил и поступал всегда. Ему не приходится пересиливать себя и, так сказать, готовиться к подвигу. Внутренне он уже был готов к нему. Он естествен во всех своих поступках, как естественны его товарищи. Они поклялись быть верными Родине и клятве не изменили. Это отнюдь не фанатизм, как думает Клер. Это убежденность. Непреклонная убежденность в правоте своего дела, в неотвратимости победы справедливости и добра. Верность своим убеждениям и делает краснодонцев героями.

— Я вспоминаю ваши слова о том, что не существует понятия «детский героизм», что в годы войны в Указах о присвоении детям звания Героя Советского Союза, о награждении их орденами и медалями подростков называли по имени-отчеству, как взрослых. Как вы говорили, это происходило потому, что мужество юных не было мужеством в масштабе детского возраста, что оно стояло в одном ряду, плечом к плечу с мужеством взрослых героев. Перед создателями спектакля на сцене Центрального детского театра стояла, на мой взгляд, сложнейшая задача: увидеть героев-молодогвардейцев глазами их сегодняшних сверстников, не забывая о том, что по роману А. Фадеева уже были созданы спектакли (в том числе знаменитый спектакль Н. Охлопкова) и замечательный фильм С. Герасимова. Но они появились тогда, когда еще болезненно жива была память о войне, не зажили раны, нанесенные ею. А сегодня все это стало незабываемым, но далеким...

— И счастье, что стало далеким! Мы сегодня можем заявить, что наша партия, правительство нашей страны, люди доброй воли делают все,

чтобы игра «в войну» осталась только детской игрой. Да и ей вряд ли обеспечена долгая жизнь: у сегодняшних мальчишек есть новые игры. Мы с режиссером Павлом Хомским хотели, чтобы наш спектакль был не только о молодоговардейцах, чтобы он был о всей советской молодежи. И о наших современниках, потому что молодоговардейцы — это воистину современники наши! Я видел их на заводах и стройках девятой пятилетки — таких же парней и девушек, готовых отдать все свои силы и знания стране, победившей фашизм. Только люди, не знающие нашей молодежи, кисло заявляют порой: они-де, нынешние, не могут до конца понять подвига молодоговардейцев... Понимают и всей силой сердец своих хотят следовать высокому примеру мужества, благородства, идейной стойкости!

— Мне кажется, Анатолий Георгиевич, что спектакль Центрального детского театра — это глубокое философское размышление о самом главном в жизни молодежи: о подвиге, о любви, о месте человека — ищущего и юного, страстного и чистого — в нашем непростом мире. Героем спектакля стало и наше сегодняшнее время. Оно вошло в сценическое повествование мечтами наших героев, их надеждами, оно вошло прекрасными песнями Оскара Фельцмана на слова Роберта Рождественского...

— Вы правы: песни — это, как справедливо отмечалось в печати, одни из главных действующих лиц спектакля. Они исполняют очень важную роль: подчас заменяют актерские монологи, связывают в единое целое разные сцены спектакля. Мы очень бережно относились к роману Александра Фадеева и на какие-либо «новаторства» шли, досконально продумав сначала: а не повредят ли они, не искажат ли хоть чуть-чуть того, что всем нам так дорого? Для меня лично работа над пьесой по давно любимой книге была и данью светлой памяти Александра Фадеева, который — может быть, даже не зная о том, — открыл мне дорогу в литературу. Почти тридцать лет назад, в 1947 году, мне посчастливилось стать участником I Всесоюзного совещания молодых писателей, и на моем билете участника стояла подпись Александра Александровича.

— Первое совещание молодых писателей происходило сразу после войны — в сорок седьмом. А три года спустя вышла ваша первая повесть «Тридцать один день». Даже не посвященному в тайны вашего творчества человеку видится некая связь между этими событиями.

— Связь есть... То далекое совещание стало поворотным пунктом в моей творческой судьбе. Дело в том, что на заре своей литературной работы я писал стихи. Их печатали. И я уже считал себя поэтом. А на семинаре я прочитал — кроме стихов, разумеется, — маленький трехстраничный рассказ о детском костнотуберкулезном санатории, в котором лечились ребята, искалеченные войной. Руководители семинара рассказ послушали и посоветовали мне превратить его в повесть. Если, конечно, удастся... Повесть я написал, отнес в издательство. И тут мне повезло невероятно: ее взялся редактировать Константин Георгиевич Паустовский. Общение с ним было для меня, начинающего прозаика, прекрасной школой. Потом такой же школой стала для меня

дружба с незабвенным Львом Абрамовичем Касиным и с бывшим директором издательства «Детская литература» Константином Федотовичем Пискуновым, благородным борцом за горьковские традиции в литературе, адресованной детству и юности. Повесть «Тридцать один день» много раз переиздавалась, ее перевели на разные языки. А я с тех пор не написал ни одного стихотворения.

— Ни одного!

— У меня появилось главное и самое любимое дело: писать о детях и для детей.

— А также о детях для взрослых... Как не вспомнить тут повести «А тем временем где-то...», «Мой брат играет на кларнете», «Поздний ребенок», «Действующие лица и исполнители», «Очень страшная история», «Позавчера и послезавтра!» Или пьесы «Звоните и приезжайте», «Обратный адрес!».

— Это взаимосвязано: судьбы старших и младших. Некоторые представляют себе ребенка живущим в некоем микромире, обособленном и для нас, взрослых, загадочном и непостижимом. Неверное представление! Мир детства нерасторжимо связан с миром взрослых. С их делами, мечтами, заботами. Дети всегда хотят казаться старше, чем они есть (в отличие от взрослых: нам бы убавить годков!). Но тут не в возрасте дело. Ребята хотят поскорее приобщиться к делам отцов, к их свершениям. В своих произведениях — повестях, пьесах, рассказах — я стараюсь показать эти неразрывные связи «двух миров», их взаимовлияние, стараюсь убедить юных читателей, что страна взрослости — это не страна привилегий, как кажется некоторым ребятам, а страна высокой ответственности. Короче говоря, быть взрослым — дело нелегкое.

— А быть подростком!.. Каждый день в его жизни что-то происходит впервые. Каждый день мир, названный вами страной взрослости, властно вторгается в его жизнь. С каждым днем он взрослеет, подросток. Разве это так просто! Впрочем, вы сами, а вернее, ваш герой Леняка Нечаев из повести «Поздний ребенок» говорит: «Первый раз в жизни я должен был подняться к нам на третий этаж взрослых, совсем взрослым. Я никогда не думал, что это так трудно...» Ответственное дело — быть взрослым. И ребенком тоже... Иными словами, ответственное дело — быть человеком!

— И нельзя им не быть — Человеком с большой буквы. Именно этому я и стараюсь учить моих юных читателей.

— С того самого дня, когда началась ваша первая повесть!

— С того самого дня, когда мои учителя на совещании молодых писателей помогли мне выбрать с в о й путь в литературе.

— И не вам одному...

— Почти вся послевоенная литература, мне кажется, прошла через первые совещания. Вспомните имена участников: сегодня их знает вся страна. Для тех, кто со мной вместе пришел после войны — из солдатских землянок, из заводских цехов, с оборонных строек — учиться «на писателя», литература стала судьбой. Это — главное! И я хочу пожелать того же нынешним молодым участникам VI Всесоюзного совещания.

Примечательны следующие два факта. Очень многие печатающиеся молодые авторы, в том числе выпустившие по две, даже три книги, продолжают работать в области своей основной профессии, своего изначального труда, то есть не спешат особенно профессионализироваться как литераторы.

И второй факт. Основные профессии молодых писателей чрезвычайно разнообразны. Это означает необыкновенно широкое распространение интереса к литературе в народе и рост всеобщей культуры. Писатели идут в литературу из среды ученых и колхозников, из инженеров, педагогов и военных.

Вот, например, очень показательный факт, свидетельствующий об этом.

Издательство города Кирова выпустило навстречу нашему совещанию небольшую книгу, подготовленную газетой «Комсомольское племя». Она называется «Молодость», и в ней напечатаны стихи начинающих поэтов, объединенных газетой, печатавшей их произведения.

Кто эти поэты?

Я назову их по профессиям, к которым они принадлежат, в которых практически продолжают трудиться, в то же время с большим подъемом и страстью увлекаясь искусством стиха. Вот эти поэты — лесоруб, студент, библиотекарь, рабочий, инженер, юрист.

Книжка любовно выпущена, и она доступна каждому делегату, так как издательство прислало нам достаточное количество экземпляров. Во многих местах могли бы последовать этому хорошему примеру города Кирова и попытаться издать такие же книжки. Получилось ведь очень интересно!

Передача опыта — вот под каким знаком будет проходить совещание. Это будет принцип, на котором строится вся жизнь нашей социалистической страны. Мы знаем о новаторах науки, новаторах производства, и всем известно, что люди примера должны быть руководящими наставниками. Люди знаний и мастерства призваны стимулировать рост культуры, эстетического развития, помогать воспитанию строителей коммунизма.

Итак, совещание будет проходить под знаком передачи опыта, будет посвящено писательскому труду. Скажу два слова о специфической стороне этого труда. Обратите ваше внимание на деятельность, вероятно, хорошо вам знакомую, такую, которую вряд ли можно знать исчерпывающе, — это деятельность Алексея Максимовича Горького, его работа с советскими писателями, тогда еще не столь многочисленными, как теперь. Но писатели эти теперь уже стали так называемым «старшим поколением».

Как раз труд, идея труда были главным в деятельности Горького, в его общении с молодыми. Он не уставал нацеливать наши взоры, наше внимание на это самое важное начало, существующее в природе человека. Объединение людей в единство на основе общности труда — это было его ведущей идеей всей жизни.

Хорошо было бы, если бы наша молодежь познакомилась с его работой над рукописью, посмотрела бы пристальнее на самую технику, на мастерство труда, так хорошо отраженное рукописями Горького.

Хорошо поучиться и на примерах работы над рукописью Льва Толстого. Когда в них вчитываешься, видишь титанические усилия, требовавшиеся от этого гения для того, чтобы создать наследие, которым гордится весь мир, которое прославлено человечеством.

Очень поучительно было бы такое сравнение. Мы знаем Ленина как ученого, как вождя пролетариата. Знаем его как политика. Знаем его и как писателя, но знаем не так основательно, как следовало бы.

"В современности — источник движения вперед"

Обратите внимание на рукописи Ленина. Он был прирожденным писателем, он обладал страстью писателя, без которой нельзя было бы нам так хорошо понимать его книги, ибо без страсти они не доходили бы столь непосредственно до чувств и мыслей человека. Его рукописи учат тому, как надо работать над книгами.

Хочу обратить внимание молодых писателей на серию книг, тоже, конечно, широко известную. Она называется «Жизни замечательных людей». Издает ее комсомольское, юношеское издательство «Молодая гвардия». Сейчас немало вышло новых книг серии, раньше не появлявшихся.

Я недавно взял книгу о Бальзаке, принадлежащую перу замечательного писателя — Стефана Цвейга. Едва ли он думал, что пишет для молодых писателей, но эта книга как будто родилась сама собой для юношества. Там есть странички, очень выразительно рассказывающие о том, как работал Бальзак. Прочтите эти странички; прочтите эту книгу, прочитайте те книги, где говорится о труде, об условиях, в которых трудились писатели, об усилиях, которые требуются при наличии таланта и вдохновения, при наличии способностей, даже обещающих быть гениальными. Труд писателя требует этих почти нечеловеческих усилий. Зато и вознаграждается он так, что мы можем

радоваться затратам энергии, жертвам и мукам писателя.

Возможность поучиться, использовать наследие прошлого, традиции в национальных литературах очень велики. Я не говорю только о русской литературе: мы ее сравнительно хорошо знаем. Но возьмите литературу Средней Азии, возьмите такого советского писателя, как Айни. Прочитайте историю его жизни, им самим написанную. Там поразительно сочеталось все лучшее, что есть в наследии азиатских литератур вообще, литератур Средней Азии в частности, с тем опытом и тем вдохновением, которые Айни уже получил в конце своей жизни, когда Советская власть открыла перед ним ворота, о которых он только мечтал в юности и которые потом удивительно изобразил в советской части своего рассказа.

Такие образцы, как жизнь этого человека, внесшего все лучшее в свои труды, что народом его и народами, близкими ему, было создано, внесшего струю современности, бытующую в его книге, как будто он был нашим ровесником, — такие образцы очень поучительны.

Нет разрыва в истории культуры, науки и искусства!

Но надо сказать, что преемственность — это не повторение. Современность органически, естест-

венно включает в жизнь человека прежний опыт народов. Но вы, молодые писатели, тоже обладаете опытом, бесспорно. Он еще не так, может быть, широк, но перед вами открыта возможность его безгранично расширять, пополнять. Вы несете в жизнь свое, и это свое вы должны развивать на почве, на которой стоите, на почве, которую вам дали лучшие из ваших предшественников. Не копировать, не повторять, не подражать ученически надо, а выкинуть, понять то, что вам преподали, и идти дальше, обогащаясь тем, что перед вами открыто, и делая новые и новые открытия. В этом истинный смысл связи прошлого с настоящим, в этом непрерывность связей поколений.

Воэ почему важным и ценным для художника является постоянное напоминание партии о том, что художник должен обращать взор к современности, к нынешнему дню, ибо в этом дне источник движения вперед...

Мне кажется, единство — вот что красной нитью проходит в обращениях и требованиях партии к советской литературе: единство с народом, единство писателя с партией, единство в идейной жизни писателей всех поколений внутри своих «цехов»...

Публикация Альберта ИВАНОВА
(Центральный архив СП СССР)

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ IV ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Геннадий БУРАВКИН, лауреат премии Ленинского комсомола Белоруссии:

— В нашей белорусской группе на IV совещании молодых были такие интересные литераторы, как Михась Стрельцов и Рыгор Бородулин, сегодня активно и серьезно работающие в литературе.

То совещание, несомненно, было школой высокого профессионального мастерства. Но, как мне кажется сейчас, семинарские занятия, проводимые по «национальному» признаку (то есть произведения, скажем, белорусских авторов обсуждались только в среде белорусов), надо было сделать общими. Это принесло бы больше пользы.

Над чем я сейчас работаю? Для поэта это трудный вопрос: разве можно планировать поэзию заранее? Но тем не менее на столе у меня лежит подборка для нового сборника стихов.

Как главный редактор журнала «Маладосць», я много и каждодневно работаю с молодыми, помогаю в

меру своих сил каждому, кто может принести пользу литературе.

У нас в Белоруссии есть очень хорошая традиция — редактировать первые книжки начинающих авторов на общественных началах. Недавно под моей редакцией вышла книжка талантливой поэтессы Евгении Янишиц «Маладосць» многие свои странички предоставляет публикациям молодых. По путевкам нашего журнала и ЦК комсомола республики молодые часто ездят на крупные стройки девятой пятилетки. И пусть не всегда они привозят оттуда материал, все равно, рано или поздно эти маршруты найдут отражение в их творчестве.

Участникам VI Всесоюзного совещания молодых желаю больше всего смелости — и творческой и человеческой. Смелости открытия нового, смелости состязаться с признанными мастерами! И пусть оправдаются те надежды, которые на них возлагаются сегодня.

Татьяна ЗУМАКУЛОВА, лауреат республиканской премии Кабардино-Балкарской АССР:

— Каждая встреча, каждое общение с людьми не может не оставить следа в жизни человека. Совещание

молодых, в котором я приняла участие в 1963 году, было для меня радостным, волнующим событием, так как мне пришлось тогда впервые, «зримо» общаться с поэтами, известными заочно, с поэтами, совсем мне неизвестными...

Сидя в зале, я испытывала огромное чувство радости и в то же время необъяснимой скованности. Я не осмеливалась вмешиваться в горячие творческие споры, которые, естественно, велись на том совещании. Мне особенно запомнились выступления Василия Федорова, Риммы Казаковой, Роберта Рождественского. Я их слушала с восторгом, восхищалась ими...

Семинаром, в котором я занималась, руководил Ярослав Смеляков. Мне особенно запомнились его слова о стихах молодых. Он так нежно отзывался о начинающих поэтах! Меня тогда удивило и то, что Я. Смеляков находил время читать произведения начинающих литераторов. Запомнилась мне и его мысль о том, что стихотворение, как нежный росток, можно погубить одним неосторожным или неумелым прикосновением.

Помню, как я познакомилась с ним. Я робко подошла к нему, а он мне сказал: «Вы не должны писать стихи, вы должны вдохновлять других поэтов...» Этот неожиданный комплимент так огорчил меня, что, возвращаясь в гостиницу, пошла в другую сторону...

А на следующий день мой переводчик сказал, что мои стихи очень понравились Ярославу Смелякову. Особенно «Антивоенная поэма». Представляете мое огромное счастье!

После этого я не раз встречалась с Ярославом Васильевичем. И теперь, каждый раз садясь за письменный стол, я вспоминаю его мудрые наставления.

В моем понимании партийность и идейность в любом жанре литературы — это прежде всего правди-

вость, честность. Мы, писатели, должны верно отображать нашу прекрасную действительность, в то же время несколько не украшая боль, смерть, горе, старость, слезы, беды, которые идут рядом с человеком.

Долг каждого художника слова — думать, достойно ли его творчество служить народу, нашему великому делу, молодому поколению, миру и всему доброму на нашей планете...

Со времени совещания у меня вышло на русском и балкарском языках десять книг. Две из них — «Свет» и «Прохлада гор» — удостоены республиканской премии. Мне было очень приятно, что эту премию, которую тогда присуждали впервые, получила я.

В каждой из этих книг я старалась выразить, что меня волнует, свое отношение ко всему живому на земле. О чем бы я ни писала, я всегда ставлю на свое место своих героев, будь то человек, камень или цветок. Иначе ничего не получится, если я не буду ощущать боль от удара, высекающего искру на камне, или от ветра, ломающего ветку...

Татьяна КУЗОВЛЕВА:

— Волнение, которое я испытывала, входя в вестибюль Союза писателей за

мандатом участника совещания, я помню до сих пор. Мне, «воспитанной» среди молодых поэтов литобъединения «Московский комсомолец», все казалось необычным, торжественным, просто грандиозным. Руководили творческими семинарами известные поэты, общение с которыми уже само по себе было ответственным и полезным. Кстати, этому совещанию я обязана выходом своей первой книги «Волга». Она была издана в 1964 году в издательстве «Молодая гвардия».

Мне кажется, переоценить значение таких совещаний невозможно: молодой писатель впервые выносит свои произведения на суд своих коллег и старшего и младшего поколений, впервые встречается в творческой беседе «на равных» с известными мастерами, крупными поэтами, прозаиками, критиками, которые хотя и доброжелательны, но вместе с тем вовсе не снисходительны к молодым. Что и хорошо. Профессиональный, заинтересованный разговор заставляет глубже и серьезнее подходить к выбору тем, к осмыслению окупающего нас бытия, к раскрытию своего мира. Совещания помогают осознать себя не одиночкой, а частью единого коллектива и по-иному, более критически, оценивать собственное творчество.

Со времени первого и единственного в моей жизни совещания молодых писателей у меня вышло пять поэтических сборников. Кроме того, издано несколько книг казахских поэтов в моих переводах. Недавно сдала новую рукопись стихов в издательство «Советский писатель». Готовлю книгу и для родного мне издательства «Молодая гвардия».

По-прежнему считаю для себя совещание 1963 года своеобразным рубежом: именно после этого совещания мои стихи впервые вышли к читателю.

СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН, лауреат Государственной премии СССР, участник II Всесоюзного совещания молодых писателей

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОЙ КНИГЕ ГЕОРГИЯ БАЖЕНОВА «ВРЕМЯ ТВОЕЙ ЖИЗНИ», ВЫХОДЯЩЕЙ В СЕРИИ «МОЛОДАЯ ПРОЗА СИБИРИ» (НОВОСИБИРСК).

Мое знакомство с Георгием Баженовым имеет теперь уж свою историю и состоялось летом 1968 года, когда среди рукописей, присланных на конкурс в приемную комиссию Литературного института имени Горького, оказался небольшой рассказ, который привлек мое внимание тем, что в нем как-то очень по-своему, легко и непринужденно обыгрывалось русское народное слово. Это был не то чтобы сказ или фольклор, но почти то и почти другое.

Автор этого рассказа прислал его из Индии, где он в течение года работал переводчиком, будучи студентом Горьковского института иностранных языков.

Все это показалось мне любопытным. «Вот, — подумал я, — где-то в жаркой Индии работает этот студент из Горького, разговаривать с людьми ему приходится больше на английском, чем на русском языке, и, может быть, как раз из-за этого, из-за этой отдаленности у него обострился слух к родной речи, и пишет он там, в жаре, о наших морозах и снегах. И трех курсов Института иностранных языков не пожалел — хочет поступить в наш институт, снова стать первокурсником».

Я еще полистал «дело», узнал, что наш индийский абитуриент окончил суворовское училище, пригляделся, нет ли в написанных им бумагах орфографических ошибок (их не оказалось), и решил, что он, наверное, без труда сдаст вступительные экзамены и будет неплохим студентом семинара прозы, который я в этот год формировал. Ну, а когда-нибудь и я буду читать его книги.

И ведь все так и было. Непредвиденным в этом наброске будущей биографии оказалось вот что: во-первых, Баженов за эти годы успел окончить два института: Литературный очно, а иностранный — заочно, а во-вторых, он никогда и ничего больше не писал в духе того рассказа, который был им прислан на конкурс; ничего под фольклор или сказ, под стилизацию так называемой народной речи. И он очень удивился, когда в начале занятий нашего семинара я сказал ему о его склонности.

Действительно, это было для него случайностью, но у способного человека и случайность несет в себе следы его способностей.

В первом же рассказе Баженова, который мы обсуждали на семинаре, действие снова развертывалось зимой, а первая строка, я помню это хорошо, была такой: «В декабрь падало огромное снегу». Тут мы и заспорили, что это значит: «в декабрь падало»? А можно ли еще так: «падало огромное»? Оказалось, что можно. Для другого рассказа нельзя, а вот для этого конкретного, от начала до конца выдержанного в определенном стиле, не только можно, но и хорошо.

Подтвердилось, что это можно, еще и после того, как студенты-первокурсники поближе узнали друг друга, кто есть кто — в смысле своеобразия своих почерков. Хоть это были и первокурсники, но пожаловаться не могу, уже тогда при внимательном чтении у многих обнаруживался не то чтобы совершенно свой, а все-таки чуть-чуть свой почерк.

И поэтому, чего всем было нельзя, одному было можно. Ну вот, а теперь уже первая книга. Я бы сказал так: серьезная книга.

Баженову всегда было доступно точное и глубокое прочтение самых разных авторов — юмористов и сказочников, фантастов, сатириков, реалистов самого разного толка, книг классических, «гигантов», и тех рукописей своих товарищей, которые мы обсуждали в семинаре. Ничего не проходило у него мимо, и малая толика чего-то интересного, существенного сразу же привлекала его внимание (хороший признак; я не уставал говорить своим студентам, что, прежде чем научиться писать, надо уметь читать).

Ну, конечно, не может человеку нравиться все в одинаковой мере, так или иначе, а чему-то мы отдаем лишь должное, чему-то отдаем свое предпочтение.

И предпочтением Баженова была серьезность. Где серьезно, там для него и лучше всего.

Я, как человек, давно знающий автора, прочитавший едва ли не все, что им написано, могу подтвердить это еще одним наблюдением: Баженов, приступая к новой работе, может быть, даже не отдавая в этом себе отчета, всегда ставит перед собой задачу несколько больше тех возможностей, которыми он в это время обладает.

Это рискованно, но это опять-таки серьезный, я бы даже сказал — необходимый риск. Отрываться от самого себя реального, от того, какой ты есть и что ты действительно можешь, молодому писателю (и, наверное, не только молодому) нельзя, но приподниматься над собой необходимо. Ведь понятие таланта включает и эту сторону дела — назначение самому себе этой меры приподнятости.

У Баженова, между прочим, это как-то естественно входит во все то, о чем он пишет, и вот почему: потому что и герои его повестей, рассказов (и еще не опубликованного романа) тоже хотят быть выше того, что они есть сегодня, выше отнюдь не в смысле служебном или материальном, а духовно.

Если им трудно — они ни на кого не перекладывают трудов своей судьбы, а исполняют их сами и в самих себе ищут решения возникших проблем. И это не трагическое уединение одиночек, непонятых или непонятных личностей, навсегда ушедших в себя, — они продолжают общение с окружающим их миром и пополняют через это общение и свои силы и самих себя...

Мне думается, что предисловие, если оно не ставит перед собой литературоведческую задачу, должно лишь дополнять автора, сообщая читателю что-то, что заведомо останется за рамками его произведений, будь то биографические сведения или личные впечатления от прочитанного.

Поэтому пусть и несколько неожиданно, но я заканчиваю свое предисловие только одним напутствием читателю: отнеситесь к первой книге молодого автора серьезно.

Рисунок Валерия ОКУНЕВА

БЕЙ,

РАССКАЗ

БАРАБАНИ!

Георгий БАЖЕНОВ,
участник VI Всесоюзного совещания
молодых писателей

Ночью я не мог уснуть от волнения. Неужели завтра, когда дежурный по роте прокричит: «Подъем!» — наступит день, о котором я так долго мечтал? Завтра в общем строю с барабаном наперевес, в белых перчатках, в черном мундире с золотыми пуговицами, в парадных брюках с алыми лампасами буду маршировать по городу и я, совсем недавно простой мальчишка, а теперь... Нет, не в том дело, что теперь я был суворовцем, а в том, что я был барабанщиком. Завтра впереди училищного строя мы будем шагать до площади 1905 года по городу, утопающему в зелени, ярких транспарантах и флагах, бурлящему от празднично одетых, веселых, смеющихся людей. И весь этот праздничный мир будет с восхищением смотреть, как мы четко печатаем шаг по мостовой, как по команде командира взмечаются наши палочки и вот уже слышится гулкая, ритмичная дробь в такт тысяченогому шагу: бей, бара-бан, бей, бара-бан... А потом, когда на площади выстроится войска нашего военного округа, именно мы, суворовцы-барабанщики, после долгой, колечатосложной команды: «...на одного линейного дистра-а-анция... пер-р-вая рота пр-р-рямо... остальные напр-р-раво!.. шагом... ар-рш!» — именно мы сделаем первый шаг по пустыне булыжной площади, такой она кажется необъятной и страшно манящей. И с этого момента, как только мы ударим в барабаны и стройной коробкой 8 X 8 (шестьдесят четыре взволнованных мальчишечьих сердца) двинем в марше вперед, ничто уже не будет существовать для нас, кроме желания выдержать, не сбиться, дойти сначала во-он до того ориентира, а потом палочки — в правую руку, а левую — на ремень барабана, и уже под мощно-веселый, как бы приподнимающий тебя над землей марш сводного военного оркестра пройти с высоко поднятой головой мимо праздничной трибуны. Военный парад принимают генералы и офицеры, и на их суровых лицах то там, то здесь мелькнет нежная или растроганная улыбка — ведь нам, открывающим парад, по одиннадцать лет...

Я не могу уснуть от волнения. Страшно представить, что я чуть было не лишился завтрашнего счастья по собственной глупости. Нет, это даже не глупость была, это как будто странная сила подхватила меня тогда и повела за собой. У нас считалось особым шиком сбежать в «самоволку», а в тот день ко мне приехал Коля Барышев, мы с ним вместе поступали в училище, ровно год назад приехали из одного поселка, но мне повезло — я сдал экзамены хорошо, а Коля провалился на арифметике. Он не мог примириться со своим горем, часто приезжал в город, и ему, наверное, казалось, что, бывая в училище, он приобщается к жизни суворовцев. А горе его было настоящим, потому что поступить в училище можно только однажды в жизни: после четвертого класса; провалившись, ты навсегда лишился возможности стать суворов-

цем: на следующий год ты становился переростком. Я был суворовцем всего лишь год, и среди моих товарищей-«салага», как нас называли старшеклассники, мало кто решался на «самоволку». Но с Колей Барышевым у меня сложились особые отношения: он смотрел на меня как на бога, и поэтому часто я играл перед ним этакого храброго и бесшабашного воюку; этого «воюку», которому было одиннадцать лет, можно хорошо представить.

— Так дядя Ваня и не повидает тебя... — вздохнул Колька, когда мы сидели с ним в вестибюле училища.

— Приехал бы с тобой.

— Он у бабушки на ВИЗе остался... плечо у него здоровски разнылось — от осколка.

— А поехали к нему сами?

— Тебя же не отпустят, — уныло протянул Колька. — Не воскресенье ведь.

— Подумаешь, не отпустят! Я и спрашивать никого не буду. Раз только — и в «самоволку».

— Да ты что?! — испугался Колька. — А если поймут?

— Не бойся, не поймут. Что я, в первый раз, что ли? — (А сам и не думал никогда о «самоволках».) — Это для меня плевое дело...

Что это было на самом деле, я ощутил только тогда, когда очутился по ту сторону училищной ограды. В «самоволку», как я заметил, всегда уходили через сад, забирался по тополю на забор и спрыгивали на землю. Обычно этим занимались старшеклассники, бегали к девчонкам на свидания. Ну, забрался на забор и я — сердце колотилось страшно громко, — а как только спрыгнул на землю, почувствовал себя настоящим преступником. Все, что уже вошло в мое существо за год учебы в училище — святая вера в законы и порядки военной жизни, теперь бессознательно протесовало против моего безрассудства. Но отступить было поздно: лучше погибнуть с музыкой, чем выглядеть в глазах Кольки трусом.

Мы шли, я разговаривал с ним нарочно громко, нес для храбрости какую-то чепуху про то, как я был дневальным, стоял у тумбочки с автоматом (а нам еще и автоматы-то не показывали), вдруг в казарме появился дежурный по училищу подполковник Тресвяцкий, я ему: «Стой, кто идет?» — и автомат на него. («Ну, да-а?..» — удивляется Колька.) «Дежурный по училищу подполковник Тресвяцкий, — отвечает он. — Молодец, товарищ суворовец. Благодарю за службу!» («Здорово!» — восхищается Колька.) «Но это еще что, — продолжаю я, — слушай, что дальше было. (И ведь вру, вру все это Кольке.) Подполковник приказывает: «А ну-ка, товарищ суворовец, проверим вас на знание устава внутренней службы. Докладывайте первый раздел!» («А чего это? — спрашивает Колька. — Здорово трудно, ага?») «Ну, я как начал ему выдавать, оттараторил без запинки, так, мол, и так, а он говорит: «Ну, товарищ суворовец, удивили вы меня, буква в букву, параграф в параграф!» (Слово «параграф» я выговаривал с трудом, запинаясь, но Колька все равно верил. «Так тебе и медаль дадут! — сказал он с восхищением. — Будешь, как дядя Ваня: грудь в орденах!») Эта мысль — про ордена и медали — мне, конечно, нравится, я уж и сам начинаю верить, что скоро орденом меня наградят, вот бы здорово приехать домой, а на гимнастерке у тебя настоящий орден. Ну или хотя бы медаль... на крайний случай.

Мы наконец выбираемся из военного городка, выходим на главную улицу. Теперь даже в своей суворовской форме я не так приметен в разноцветье гражданской одежды. В трамвае мы забираемся с Колькой на заднюю площадку, где всегда полно народу, тем более теперь, перед праздником. Все куда-то спешат с набитыми сумками и авоськами, гул стоит, смех, кто-то с кем-то ругается, кто-то кого-то успокаивает, а над всеми командует слегка надтреснутый голос кондуктора: «Граждане, кто не уплатил за проезд? Граждане, имейте совесть, граждане, контролер пойдет, я не отвечаю, граждане...» Я пишу Кольку в бок:

— Ты зачем за меня передаешь? Нам положено бесплатно.

— Я же не знал...

Я улыбаюсь: все-таки чудной у меня друг Колька Барышев, все его удивляет и восхищает во мне, а мне приходится из-за этого страдать, корчить из себя героя. Ну ладно, на то я и суворовец, чтобы терпеть. Я-то знаю, в нашей суворовской жизни не все так красиво и заманчиво, как это кажется со стороны: у нас ведь есть будни, учеба, труд, но уж так повелось, все смотрят на нас как на особенных, да и я сам, по правде говоря, часто чувствую себя счастливым, удачником.

Ехали мы на ВИЗ долго: ВИЗ — это район такой в городе, где находится Верх-Исетский металлургический завод. И пока ехали, я совсем успокоился, думаю: а здорово я в «самоволку» убежал, вот узнают ребята в роте, перестанут дразнить «маменькиным сынком».

Как только объявляют нашу остановку, мы выпрыгиваем с задней площадки на асфальт. Остановка на взгорке, отсюда вниз растекаются, как ручейки, дорожки — к магазину «Одежда», к Исеть-реке, к зданию завода, и по той дорожке, которая петляет к реке, мы побежали весело и восторженно: спуск был крутой, дух захватывало. Там было такое пересечение — нашей дорожки и асфальтированного тротуара, и вот мы бежим, и уже нельзя остановиться, а я вдруг вижу, что Колька летит прямо на нашего офицера-воспитателя майора Сизова — внутри у меня так все и оборвалось. И не успел еще никто ничего сообразить, как Колька с налету врезался в майора, тот успел только вытянуть вперед руки, принял на себя бегущего Кольку, чуть приподнял его и спружинил удар. Все это майор сделал с легкой усмешкой, даже как будто весело, сказал: «Оп-па! Ну, даешь, боец!» — пока... не увидел вдруг меня. Не хотел бы я больше увидеть, какие у него были глаза! День обычный, вторник, и вдруг... кого же он увидел в городе? Суворовца из своего взвода! Откуда он взялся? Почему? Мысль о том, что я сбежал в «самоволку», не сразу даже пришла ему в голову: он всегда думал обо мне хорошо, ставил меня в пример, и вот... Я бежал, всем корпусом подавшись назад, — тормозил: лучше б я провалился сквозь землю, растворился бы в воздухе, чем... так я и не смог затормозить, мягко, но врезался-таки в офицера-воспитателя.

— Так... — протянул майор Сизов. — Та-ак, товарищ суворовец! — (Он даже по фамилии меня не назвал.) — Это что же это такое... на первом году уже в самовольную отлучку отправились?! И кто?! Отличник учебы! Гордость взвода! Не ожидал...

В это время на развороте закрипели тормоза трамвая, помню очень хорошо, этот скрип как будто спас меня: слова майора потонули в трамвайном шуме.

— Дяденька майор, дяденька майор, — залепетал Колька, — это я... мы с дядей Ваней... мы за лекарством в город... он не виноват, это я... я....

— Не «дяденька майор», — буркнул я, — а товарищ майор. — И отвернулся.

— Товарищ майор, товарищ майор, — лепетал Колька, — он на фронте воевал... у него ранение... он не мог сегодня, мы...

Вадим КОЖЕВНИКОВ: "Создавать летопись народа, ведомого партией"

Дорогие товарищи! V Всесоюзное совещание молодых писателей открывается в знаменательное время, когда страна наша готовится к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Ленинизмом освещено историческое творчество партии, народа. По ленинским начертаниям совершается строительство социалистической культуры.

На всем пути советская литература являет революционное единство всех писательских поколений. За полвека она создала бессмертную летопись духовного, нравственного, исторического опыта борьбы народа, ведомого партией.

Советская литература обрела мировое значение мощью своего идейного и художественного влияния.

Вам, молодым советским писателям, предстоит стать достойными преемниками и продолжателями

всего лучшего, чего достигла, верная принципам партийности, народности, литература социалистического реализма.

Коммунистическое воспитание молодого поколения — важнейшая часть общепартийного, общегосударственного дела, высшая цель нашей литературы. Идеальная ясность, незабываемая твердость, коммунистическая убежденность, мужественность борца, духовная вооруженность писателя — это то, без чего не может быть создано подлинно художественного произведения, достойного своего народа.

Наш писательский долг — всей силой таланта, всей силой опыта и убежденности утверждать наше коммунистическое верование, наше чувство советского патриотизма, пролетарского интернационализма, быть верными помощниками партии. Забота о молодых писателях — это прежде всего забота о будущем и настоящем нашей литературы. Это и постоянная, кропотливая работа всех

наших писательских организаций, наших печатных органов, писателей старшего поколения.

Здесь широко представлены молодые литераторы всех наших братских республик.

На XXIII съезде Коммунистической партии Советского Союза ее Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев говорил:

«Молодежь — наше будущее. Мы хотим, чтобы она постоянно чувствовала связь времен наших революций, училась воспринимать жизнь во всей ее глубине и сложности, сознавать свою роль и ответственность за построение коммунизма».

Так пусть эти слова партии, вдохновляя, сопутствуют работе нашего V Всесоюзного совещания молодых литераторов, созванного Центральным комитетом комсомола и Союзом писателей СССР.

Публикация Андрея БАТАШЕВА
(Центральный архив ВЛКСМ)

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ V ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Майрамкан АБЫЛКАСЫМОВА, лауреат премии Ленинского комсомола:

— Я принимала участие в V Всесоюзном совещании молодых, которое было в мае 1969 года. Надо ли говорить, с каким чувством радости, волнения (Как меня примут? Не растеряюсь ли?) ехала я в Москву!

Но бурный, напористый, творческий воздух этого совещания был так упорист и захватывающ, что я скоро позабыла о своих страхах и жила все три дня ощущением полного счастья, в мире поэзии...

Моим семинаром руководили такие известные поэты, как Борис Ручьев, Людмила Татьяничева, Сергей Викулов...

Особенно теплые отношения у меня после совещания сложились с замечательным поэтом и человеком Борисом

Александровичем Ручьевым. Он стал моим наставником, помощником, собрался переводить мои стихи. Мы переписывались до самой его смерти. Письма Бориса Александровича я бережно храню...

Это совещание рекомендовало мою книжку стихов и поэм «Веру в сердце храню» на соискание премии Ленинского комсомола страны.

Прошел год. В апреле 1970 года я получила комсомольскую, очень дорогую для меня премию в Кремлевском Дворце съездов, где проходил XVI съезд ВЛКСМ. В том же году я вступила в ряды партии.

Недавно во Фрунзе, в преддверии VI совещания молодых, прошло обсуждение произведений авторов, которые приедут нынешней весной в Москву. Принимала в этом обсуждении участие и я. Не знаю, могу ли давать рекомендации, но мне очень хотелось бы назвать имя Акпера Рыскулова. Талантливый, пылкий поэт...

Сейчас я работаю над «Поэмой о дружбе», тема которой навеяна посещением в прошлом году Болгарии, где проходило заседание Болгаро-советского клуба молодой творческой интеллигенции. Эта поездка подарила мне не только новую поэму и стихи, но и много новых, прекрасных друзей...

Как часто приходится слышать: а, совещание! Опять очередная кампания! Снова очередное мероприятие для «галочки»! На это я хочу ответить: совещание молодых литераторов — это школа (в полном смысле слова) мастерства, идейности, партийности, гражданственности, словом, тех качеств, без которых подлинно народный писатель невозможен.

Владимир ВОРОБЬЕВ:

— Руководителями нашего семинара прозаиков на совещании были известные писатели — Михаил Алексеев и Анатолий Иванов. Впервые мы, начинающие прозаики (я с моим земляком-дальневосточником Иваном Басаргиным, Иван Данилов из Волгограда, Семен Курилов из Якутии, Юрий Бородин из Ярославля и многие другие), беседовали с мастерами советской прозы, как говорится, запросто.

На семинарах обсуждались наши произведения, в частности, и моя повесть «Три брата», которая потом была рекомендована Михаилом Алексеевым для публикации в журнале «Молодая гвардия». Сразу почти после совещания, в 1970 году, вышла у меня на Дальнем Востоке написанная совместно с Николаем Рыжиком книга прозы — «Рыбацкие повести». А в 1973 году с предисловием моего бывшего руководителя семинара Михаила Николаевича Алексеева уже в Москве появилась еще одна моя книга — «Боцман с Чукотки».

Литературная работа идет не быстро, у меня много горячих журналистских дел — я работаю сборником «Правды» по Целиноградской, Кочетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Тургайской областям. Много здесь хороших, талантливых людей, о многом можно писать, и материал собирается интереснейший, но о книге говорить рановато.

Еще об одном знаменательном событии нашего пятого совещания хочу я сказать — о поездке группы писателей, комсомольских работников и нас, участников совещания, к Михаилу Александровичу Шолохову. Непереценимо творческое и гражданское значение этой встречи. Беседы и общение с крупнейшим советским писателем ни для кого из нас не прошли бесследно.

Андрей КУЧАЕВ, лауреат конкурса ЦК ВЛКСМ, Министерства культуры и Союза писателей СССР:

— На протяжении всего времени, пока проходи-

ло V Всесоюзное совещание молодых, к нам, его участникам, относились, как к профессиональным писателям. Начинающие литераторы имели возможность, пусть и недолго, побыть, так сказать, «в шкуре» настоящего писателя. В конечном итоге желание остаться писателем насовсем победило, например, у меня и некоторую робость и обычные в подобных случаях сомнения. Думаю, что похожее состояние испытывали тогда многие участники совещания. Сейчас, когда минуло шесть лет и когда можно уже подводить первые итоги, мы видим, что большинство участников V Всесоюзного также остались в литературе и неуспешно в ней работают.

Совещание внесло уверенность в свои силы, заставило более требовательно относиться к творчеству. И, конечно же, как всякая умная, добрая встреча, подарило хороших друзей... Быть может, впервые так четко мы задумались о той ответственности, которую, как будущие писатели, взяли на себя перед своим народом, партией, Отечеством.

Все эти годы я пытался всерьез стать профессиональным литератором. Писал пьесы, сценарии, рассказы... Многие из них напечатаны и поставлены. Стал членом Союза писателей. Кроме того, участвуя в совещании молодых как драматург, за эти годы я в порядке освоения новой специальности приобрел также профессию сатирика и юмориста.

Участником нового, шестого совещания желаю не терять ни одного часа даром в дальнейшей творческой жизни! Помните, что труд — основа любого успеха.

ИЩУ ГЕРОЯ— ИЩУ СЕБЯ

ЕЩЕ РАЗ В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ. ВЯЧЕСЛАВ ШУГАЕВ В ГОСТЯХ У ВАЛЕНТИНА РАСНУТНА.

Николай КОТЕНКО,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

Говорить об иркутянах, об Иркутске вообще — для меня в первую очередь говорить об Александре Вампилове. О Сине. Тайга, Байкал, Ангара, незаметная и незамутненная речушка Харат с зимовьем на берегу — все это связано с ним, во всем он живет, добрый, требовательный, веселый человек, серьезный писатель. Я очень люблю ездить в Иркутск и использую для этого малейшую возможность, но последние два с половиной года поездки эти наполняются не только радостью встреч, но и невыносимой горечью его отсутствия, и чувством вины, бессонной и неизбежной, которая возникает в нас со смертью близкого, любимого человека и гнетет бесконечно... Ведь если б не этот вот шаг, не это вот невозвратное слово — все могло быть по-другому. С живым можно переиграть, переосмыслить... С живым...

«Из молодых он был не только самый талантливый, но и самый состоявшийся», — скажет потом, после гибели драматурга, А. Арбузов («Комсомольская правда», 11 февраля 1973 г.). Можно добавить с уверенностью: и не только из молодых. Его «Утиная охота» — произведение совершенное, вобравшее в себя опыт русской и мировой драматургии, преломленный через самобытный и неповторимый талант А. Вампилова, — без

С ГЕОЛОГИЕЙ СВЯЗАНЫ ПОЧТИ ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕННАДИЯ МАШКИНА. НЕ ПОРЫВАЕТ ОН С ЛЮБИМОЙ ПРОФЕССИЕЙ И СЕГОДНЯ.

сомнения, войдет (вошло уже!) в фонд русской советской классики. Пьеса давно вышла на сценические площадки зарубежных стран.

К сожалению, сам драматург смог побывать лишь на одной «большой» премьере — в Ленинградском театре Товстоногова. Сейчас только в Москве идут четыре спектакля по его пьесам. Все они — о молодежи, и скорее всего автор видел своими основными читателями и зрителями молодых людей. В разное время созданы «Прощание в июне» и «Старший сын», «Провинциальные анекдоты» и «Прошлым летом в Чулимске»; не равнозначны они, естественно, по своим художественным достоинствам. Но характеры их, собранные воедино — неоднозначные, не разграниченные глухими стенами, — многократно переплетаясь и дополняя друг друга, составляют единый образ — «звездное небо в миниатюре». Я же, читая пьесы или смотря их в театре, всегда вижу на фоне этого неба чистый и светлый образ их автора. Образ Сани...

Знак утраты на лицах его друзей-земляков... Все они начинались с Вампиловым и крепили вокруг Вампилова. Он был не только талантливым драматургом, не только душой компании — он был центром и связующей силой в этом одаренном и работающем товариществе. Отрицая нетерпимость, он никогда не прощал небрежного отношения к своему основному делу. Но это не отталкивало... Узы духовные, единство нравственное, утверждал драматург в «Старшем сыне», зачастую выше и прочнее родства кровного.

Эта тема, только на другом материале и, есте-

ственно, иными средствами, разрабатывается глубоко и убедительно в повестях Валентина Распутина «Деньги для Марии» и «Последний срок». О них много писала наша критика, — не будем повторяться, не будем лишний раз доказывать, что В. Распутин — один из ведущих наших прозаиков. Это общепризнанно. Хочу сейчас сказать о другом.

Мы много толкуем о том, что художник обязан изучать жизнь, ставя это иногда едва ли не единственным условием его творческого успеха. И вот едет писатель в командировку, две недели ходит по заводу, мешая работе, месяц дышит сельским воздухом, восторгаясь соловьями и мозолистыми руками доярка, потом возвращается к рабочему столу и «со знанием жизни» пишет... очередной поверхностный очерк. Лесков говорил: «Народ просто надо знать, как самую свою жизнь, не штудировав ее, а живучи ею». Но ведь и такое знание само по себе не может еще гарантировать нам «Войны и мира».

Валентин Распутин родился и вырос в таежной деревне и сейчас не порывает с нею связей (не удивительно, что все его повести — «деревенские»). Но только ли поэтому так жива и безоговорочно старуха Анна и так естествен, без нажима и аффектации, ее язык? Бессспорно, прежде всего талант, — о чем тут рассуждать?.. В талантливости В. Распутина я убедился десять лет назад, прочитав «Деньги для Марии», укрепился в своей убежденности, когда вышел «Последний срок». Отчего же так трудно, с такой боязнью подступал я к новой его вещи «Живи и помни»? Вдруг

она слабее предыдущих, — но ведь у каждого писателя бывают срывы. А может, оттого, что мне заранее назвали ее тему, несколько неожиданную для Распутина?

Прозаик этот — из тех, о которых говорят: основательный. За десять лет — третья повесть, а могло быть десять! Столичное издательство и журнал несколько лет подряд включали ее в свои планы, подгоняли автора. Кажется, мог бы и поторопиться — не велик объем. Но В. Распутин тщательно выписывает каждое слово, и потому оно кажется нам так непринужденно и легко вставшим на свое место; он бьется над фразой, десятки раз поворачивает ее так и этак, и фраза читается без запинки и кажется столь простой. Завидная простота...

Я прочитал «Живи и помни» и рад еще одному значительному успеху писателя. Да, тема повести — примерный солдат в 1944 году, когда уже близка победа, дезертирует из армии — поначалу настораживает. Но все-таки повесть — чисто «распутинская», потому что и здесь в центре — таежная деревня с точно выписанными людьми, потому что, как и раньше, важен для писателя не сюжет, не событие как таковое, а важны характеры, психологическое исследование и, если угодно, исследование предательства, его истоков и последствий. Человек, считающий, что он бежит из армии ради семьи, ради других, разрушает семью, губит беременную жену (а он ведь только и жил ради будущего сына!), и в конечном итоге оказывается, что бежал он все-таки ради себя одного.

Распутин пишет очень медленно и очень надежно.

В то время, как будущие товарищи по перу, перебиваясь с хлеба на воду, несли на своих неокрепших плечах тяготы тыловой жизни, когда они выводили на газетных полях первые свои корявые буквы, Дмитрий Сергеев сражался с врагом. Со школьной скамьи он ушел добровольцем на фронт, прошел всю войну, и вполне естественно, что это тяжелейшее испытание и высочайший подвиг народа стали тем центром, вокруг которого развивается творчество писателя. И ранние его повести — «Позади фронта», «В сорок втором» — и последняя — «Отвлекающий маневр», только что опубликованная в альманахе «Сибирь», убеждают нас в том, что для Д. Сергеева тема эта непреходяща.

После войны писатель долгие годы работал геологом, об этом его повесть «Крепость на отшибе» и роман «В разгаре сезона». Об органичной связи «военных» и «мирных» произведений, о преемственности традиций, о высокой требовательности к себе и скромности говорили все выступающие на состоявшемся недавно в Союзе писателей РСФСР обсуждении творчества Д. Сергеева.

Прибегая к красивой фразе, можно сказать, что именно в геологии сошлись пути и судьбы Д. Сергеева и Г. Машкина. Однако в литературу Геннадий Машкин пришел с произведением явно не «геологическим». Повесть «Синее небо, белый пароход» выдержала сегодня уже несколько изданий — у нас и за рубежом. Живя рядом с военными произведениями Сергеева, она как бы дописывает картину тех лет, показывая жизнь героев в глубоком тылу.

Свою особую линию в литературе ведет прозаик Вячеслав Шугаев. Моральное и социальное становление, гражданское возмужание сегодняшнего молодого человека — вот тема, которая питает творчество В. Шугаева. «Любовь в середине лета», «Бегу и возвращаюсь», последние произведения писателя так или иначе пронизаны беспокойством о «возрастной инфляции» (он и сам открыто говорит об этом в предисловии к книге из серии «Молодая проза Сибири»); не слишком ли инфантильна нынешняя молодежь, достаточно ли в ней гражданской активности, чтобы считаться достойной героических отцов и дедов?.. Тот же «сибирский» материал, исторические преобразования в сегодняшней тайге дают писателю право делать самые оптимистические выводы.

Всех этих писателей не назовешь уже молодыми, все они давно вышли из комсомольского возраста. Но тесная связь с комсомолом не прерывается. Иркутский обком ВЛКСМ совместно с

местным отделением Союза писателей регулярно проводит семинары под девизом «Молодость. Творчество. Современность», охотно посылает писателей в творческие командировки на важнейшие промышленные и строительные объекты. Стоит ли лишиться раз доказывать плодотворность такого сотрудничества? Именно из таких командировок родилась документальная повесть В. Распутина и В. Шугаева о строителях Братской ГЭС, десятки очерков и проблемных статей, опубликованных писателями в областных и центральных изданиях. Именно по просьбе обкома комсомола Вячеслав Шугаев составляет сейчас книгу о строителях БАМа...

Писательский труд — в основном затворнический. И вот что удивляет в жизни Иркутской организации — раскрытость ее, общительность, что ли. Традиционные областные семинары, зональные совещания, поездки с гостями по области (которая, кстати, равна по площади нескольким европейским государствам), — на все это нужно время, и иркутяне его находят. По общественной интенсивности с Иркутском можно сравнить разве что Читгу, где вот уже несколько лет проводится с большим размахом поэтические осени. Здесь не только сибирское гостеприимство, здесь, очевидно, и чувство долга: все ныне известные иркутские писатели прошли через подобные совещания, всем им дал путевку в литературу Читинский семинар, первые их шаги направляли старшие товарищи, в том числе всегда кровно заинтересованный работой молодых Леонид Сергеевич Соболев, — надо помнить об этом и столь же внимательно относиться к младшим собратьям...

На одном из последних областных совещаний обсуждалось среди прочих творчество молодого рабочего Анатолия Горбунова и было отмечено дипломом первой степени. Прошлым летом иркутяне радовались за своего земляка — его стихи получили высокую оценку на совещании молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока. Сейчас Анатолий — участник VI Всесоюзного совещания, автор столичных журналов.

На том же зональном совещании очень много добрых слов было сказано в адрес молодых прозаиков Станислава Китайского и Евгения Суворова. Станислав, несмотря на молодость, написал большой и очень интересный роман о гражданской войне (выпущен издательством «Современник»), Евгений опубликовал в журнале талантливую повесть. Обоим совещание рекомендовало в Союз писателей.

Новые имена, новые талантливые книжки. Я уверен: Иркутск еще не раз удивит нас...

ТРАДИЦИОННАЯ ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ. ВЯЧЕСЛАВ ШУГАЕВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ МОЛОДЕЖИ ПОЭТА АНАТОЛИЯ ГОРБУНОВА.

ПРОЗА

Юрий Аракчеев

ЛИСТЬЯ

Испытание повседневностью

По первой книге, особенно если в ней собраны короткие повести и рассказы, трудно с определенностью судить о творческих пристрастиях ее автора. Молодой писатель Юрий Аракчеев в своей сборнике «Листья», вышедший в издательстве «Советская Россия» в 1974 году, включил произведения довольно разнообразные. «Подкидыш» — рассказ на рабочую тему, «Праздник» — о заурядной вечеринке «в складчину», в основе повести «Переполюх» — дела строительного треста, лирические новеллы «Листья» — о Родине, о встречах с людьми на ее дорогах.

Во всем этом, однако, улавливается то общее, что дает представление не только о стилевых позициях прозаика, но и о векторе его творчества. Юрий Аракчеев стремится к художественному освоению ситуаций повседневных, обычных, не исключительных. В его книге нет тех кризисных обстоятельств, «пиковых моментов», в которых, как на изломе, могла бы обнажиться сердцевина образа. Прием верный и довольно испытанный. Юрий Аракчеев не пользуется им, он оттачивает характеры своих героев на оселке повседневности, умеет показать нравственные и духовные ценности своего героя, избегая внешних аксессуаров, делает акцент на внутриобразном развитии.

В его повестях и рассказах, как правило, бессюжетных, конфликт перемещен в сферы подсудные, внутренние, находит там свое осмысление, развитие и завершение. Вместе с тем такое психологическое исследование под пером этого автора нередко обретает социальный характер.

...Героя рассказа «Подкидыш» по пути на работу посещает «смутное сознание того, что кто-то ждет его, Фрола, помощи, кому-то он нужен». И ощущение этой «нужности», необходимости кому-то было ему чрезвычайно приятно, и на душе становилось теплее. Ждал же его на работе... ржавый, покореженный мотор, жалкий «подкидыш», которого Фрол с непостижимой (так кажется сначала) страстью и любовью вновь возвращал к жизни, «вживлял» в него сердце, вкладывал душу.

Как часто мы встречаем в современной художественной литературе описания производственных процессов, и описания эти оставляют нас равнодушными, не

ПЕРВАЯ КНИЖКА

способствуют движению действия, динамике образа, углублению его. Читатели же рассказа Юрия Аракчеева невольно включаются в круг волнений Фрола и, как он, не пропускают мимо сердца ни одного этапа «возрождения» ставшего и им небезразличным «подкидыша». Им понятны и близки страхи Фрола Горчакова по поводу своего «сынка»: как бы пристроить его на обмотку, ведь конец месяца («Вот тут и подумай и пораскинь мозгами...»), покрасить («можно бы самому!»)...

И то, что Фрол возится с бросовым, по мнению окружающих, двигателем в горючие дни и что на душе у него неспокойно (до пустяков ли?) — поссорился с женой, все эта алогичность, нелепость, что ли, его тяги, нежности к «подкидышу» как к живому существу, неожиданно тепло и радостно высвечивает духовную суть Фрола Горчакова. Он рабочий хороший и человек стойкий.

Уже в этом рассказе, а в последующих произведениях еще больше чувствуется желание писателя, говоря словами поэта, во всем «дойти до самой сути: в работе, в творческом пути, в сердечной смуте...» Стремление это отражается на повествовательной манере — дается замедленная картина внутренней жизни персонажей, фиксируются их душевные порывы, в неторопливости переживается, перечувствуется то, что в действительности стремительно, быстро и ускользает от невооруженного глаза.

Не все, разумеется, в равной степени удается прозванку — порой он «не дотягивает ноту», захлебывается в материале. Книжкой «Листья» Юрий Аракчеев только входит в литературу. Но уже в этом первом «взносе» сегодня видится его более качественное, уверенное, зрелое ЗАВТРА. Исходные данные молодого автора обнадеживающие.

Лиана ПОЛУХИНА

ПОЭЗИЯ

Виктор Широков

«Законно

стремление вперед»

В любой работе нужно мастерство. Мастерство плюс душа. Иная вещь груба и неприглядна — неумелой рукой сделана. Другая отточена, отлакирована, блестит, а все же не смотрит: душу в нее не вдохнули. А третья...

Опавшие влажные листья
Рукой, наклонясь,
разгребли,

И ткнулся, прохладны
и чисты,
Слепыми щечками грибы.

Это надо было увидеть, схватить мгновенным взглядом художника, чтобы потом свое первозданное ощущение оформить словами, а слова передать людям. Именно эти строки с первой же страницы захватывают, завораживают своей душевной открытостью, когда берешь в руки первую книжечку участника VI Всесоюзного совещания молодых писателей Виктора Широкова «Рябиновая ветвь» (Пермское книжное издательство, 1974). И тогда появляется желание перевернуть еще одну страницу и еще...

«Живу, как дерево в саду. Как книга среди книг». За этим признанием видится активная причастность поэта к большому миру, и открывается духовный мир человека вдумчивого, открытого, интересного. Поэт обращается к нам, читателям, как к своим друзьям, чутким собеседникам, не лукавит с нами, не становится в красивую позу, не пытается сразить витиеватым слогом. Ему весело — и читателя приглашает порадоваться. «Эх, была бы моя власть, их бы под ноги не класть, постелить и глянуть вкось: как же это делалось?» — восхищается он «пестроклечатым чудом», которое ткет «Василиса свет Матвевна, деревенская царица».

Грустно ему метельной зимней ночью — что ж, он и грусти не скрывает, зная, что где-то живет его старший отец, которого тревожат фронтные раны, но более одолевают думы: «Может, сын поступит под вечер, навестит... Хорошо, когда сын...» Какой в этих строчках понимающий укор вечной сыновней занятости, сколько в них надежды, ожидания, отцовской любви.

Верность отчому дому, сознание своего сыновнего долга, родственное чувство к простым трудовым людям — вот где кроются истоки глубокой, нерушимой любви поэта к своему народу, к родной истории, к родной природе.

Не случайно рябина — дерево уральских лесов, вынесенное в название книги, — воспринимается поэтом как символ страданий русского народа, его борьбы и веры в лучшую долю. Увиденные однажды «как кровь людей, как кровь земли» ягоды рябины органически впились в сознание и жизнь поэта. Большое рождается из малого. «Я сын твой, перст твоей руки, слезинка малая во взоре» — не есть ли это самое верное ощущение не расторгимости, полного слияния собственной судьбы с судьбой страны?

Прознательное чувство истории, временная протяженность — ценное качество поэзии В. Широкова. Заглянуть в будущее автору помогает умение сопоставлять нынешний день с теми, что канули в прошлое. Впрочем, для него не канули. Минувшее встает в его стихах зримо, отчетливо, будь то «детство, где скачет зайчик по стене», или грозные исторические события: «ратники ждут: чьей победе пробыть? Быть под татарами русским — не быть!»

Листая сборник, нельзя сделать вывод о профессиональной принадлежности автора (В. Широков — врач), нет в стихах специальной терминологии и «случаев из жизни». Это и не главное. Нам важно знать, что автор — наш молодой современник.

Он думает, ищет свое новое слово, свое новое стихотворение:

Со словом проносится конный,
И пеший со словом идет.
Законно, законно,
законно,
Законно стремленье вперед!

Вот почему, щедрый душою, не разбрасывающийся изобразительными средствами, нам близок и интересен Виктор Широков. Вот почему снова и снова тянется рука раскрыть уже знакомую книжечку и перечитать уже знакомые стихи.

Валентина ТЕЛЕГИНА

ПОЭЗИЯ

«Есть в памяти и боль и благодать...»

Калмыцкий поэт Егор Буджалов молод. Удивительно: молодой поэт смело обратился к эпической поэме — жанру, по мнению многих, начинающему себя изживать (Егор Буджалов «Эрдни»). Поэма. Калмыцкое книжное издательство, 1974, перевод Л. Ханбекова). Молодость обратилась к старой, традиционной форме — вот что примечательно!

Замысел поэмы — рассказать о жизни героини, калмычки Эрдни, на широком историческом фоне, раскрыть нравственные устои народного характера. Судьба героини рассматривается под углом зрения сегодняшнего молодого человека, не знавшего того времени, когда рождение девочки в калмыцкой семье считалось несчастьем, когда женщину «всяк презирал открыто», и того времени, когда «из России донесли: «Царя долой! Власть перешла к народу!», когда в степи родился первый колхоз и «предстало доказать на деле: теперь надежней наше — не мое!».

Через многие большие и малые испытания проводит автор героиню. И вот уже седины на ее висках. Но жизнь идет, продолжается. Пусть едва ли не в каждой семье еще есть живые свидетели «всенародной тревоги, всенародной беды» — Великой Отечественной войны, — героиню, а вместе с ней и поэта тревожит возможное забвение своего нравственного долга перед веком теми, кто «не видел, не пережил, не испытал».

Пафос монолога героини становится пафосом сегодняшней молодости самого автора. В этом — преемственность поколений, как бы продолжение судьбы человека, прожившего свой век,

нашим современником. Лирическое, а бы сказал, лирико-философское начало позволяет Егору Буджалову высветить индивидуальность, особенность судьбы своей героини, а вместе с тем, поскольку ее судьба типична, как бы соотнести личное чувство не только с судьбой своей землячки, но и с судьбами всех советских народов. Такое художественное построение поэмы позволяет отчетливо услышать в ней интернациональные мотивы. В техникуме рядом с Эрдни подруги: русская девушка Катя, украинка Галля, горянка Халимат; на работе — старая санитарка тетя Паша; в тылу, когда Эрдни сопровождает тяжелораненых, в ее палате снова «полный интернационал»...

Думается, несколько тропливо, поспешен финал поэмы. Порой, на мой взгляд, излишне объемны этнографические куски — воспоминание отца, сон Эрдни, рассказ Чумида. Стоит усилить прерывающийся бытовыми подробностями, пусть и выразительными, внутренний монолог героини, обращенный к нашим дням, к юному комсомольскому поколению, что является основной мыслью поэмы.

Валентин ЩЕРБАКОВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Право на исповедь

О прозе Чингиза Айтматова написано много и, видимо, будет написано еще больше. Его книги читают и перечитывают, с течением времени в них открываются новые глубины. Первую книгу критика В. Коржина («Человечу о человеке», изд-во «Кыргызстан», Фрунзе, 1974) я бы назвал попыткой толковать творчество киргизского писателя эмоционально.

Приподнятость интонации, однако, не мешает критику строго и спокойно изучать мир идей и образов произведений Ч. Айтматова. В. Коржин показывает, как реализуется философская концепция писателя в языке, сюжете, композиции его повестей. Размышляя о новых формах конфликта, которые открыл Ч. Айтматов, исследуя их нравственно-философскую основу, В. Коржин определяет образы его произведений как исповедальные. Но сущность исповедального начала в них иная, нежели в лирической прозе шестидесятых годов. Исповедь

ведь героев Ч. Айтматова не пересказ собственной жизни, а способ восприятия бытия. Это исповедь-диалог. Герой исповедует жизнь, времени.

«Белый пароход» — повесть, в которой наиболее полно и ярко отразились основные этические и эстетические взгляды Ч. Айтматова. Естественно, этой повести в работе В. Коржина уделено главное внимание. Критик приходит к выводу: «Айтматов ОТКРЫЛ детство не как способ видеть мир глазами ребенка. Для писателя детство — мир. Мир непознанный, в котором причудливо преломляется реальная жизнь, в котором свои законы, свои драмы и восторги, своя ненависть и любовь». И жизнь мира взрослых Айтматов повергает чистой «детской совестью».

Для Мальчица возвращение маралов — это символ того, что Рогаята Мать-олениха простила своих детей, весь род братьев-бугинцев, пришла к ним и принесла с собой счастье. Но повседневная реальность неожиданно оборачивается трагедией. Люди, сами лишенные идеала, отобрали его у того, для кого он был смыслом жизни.

В. Коржин сосредоточил внимание на трех персонажах повести — Орозмуле, Мальчине, Сейдахмате. Момун лишь упомянут. Но в новинки трагедии и Момун. В его силах было отказать от выстрела и остаться на стороне Сказки. И тогда Мальчик не почувствовал бы себя одиноким, а свое представление о добре и справедливости — поруганным.

У Эйнштейна есть интересное наблюдение: «Человек стремится киним-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира; и это не только для того, чтобы преодолеть мир, в котором он живет, но и для того, чтобы в известной мере попытаться заменить этот мир созданной им картиной. Этим занимаются художники, поэты, теоретизирующий философ и естественный философ, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном круговороте собственной жизни».

Если же это представление рушится, перемещается центр тяжести, человек падает. Такое «падение» переживает и Мальчик.

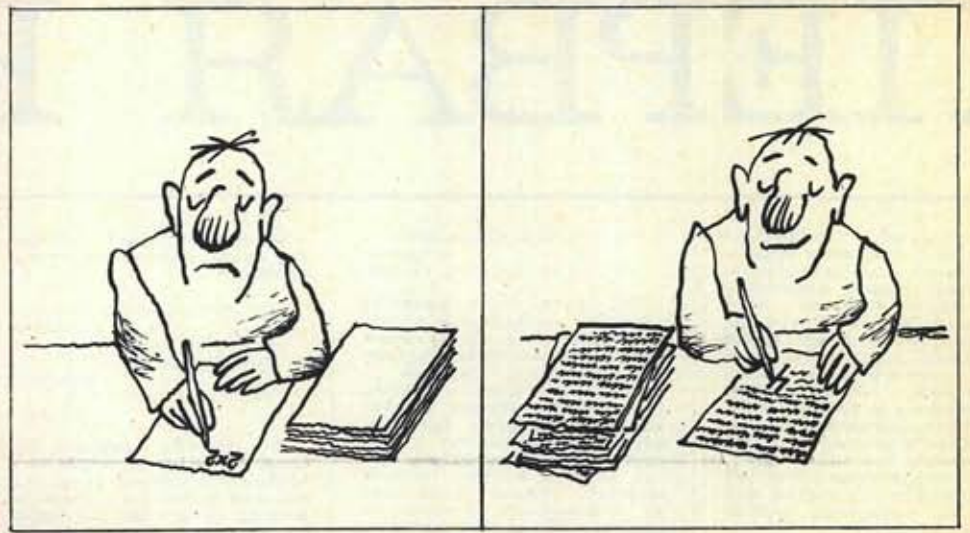
Увлеченная страсть интонации, азартность в полемике, раскованность языка — достоинство исследования В. Коржина об Айтматове, наверное, так и нужно писать — взволнованно, горячо, свободно. Правда, поначалу вольное обращение критика с «материалом» (частые ссылки на опыт самых разных мастеров слова — от Достоевского до Моруа, взгляд на произведения Айтматова сквозь призму творчества других писателей, чаще всего Платонова) — кажется собранием верных, порой неожиданных, но несильно бесиданных наблюдений. Однако такое впечатление обманчиво, связь разрозненных фрагментов внутреннего, смысловая, расчитанная на движение читательской мысли. Штрихи, еще штрихи, и постепенно складывается целостный взгляд на творчество одного из замечательных художников наших дней.

Андрей ЯХОНТОВ

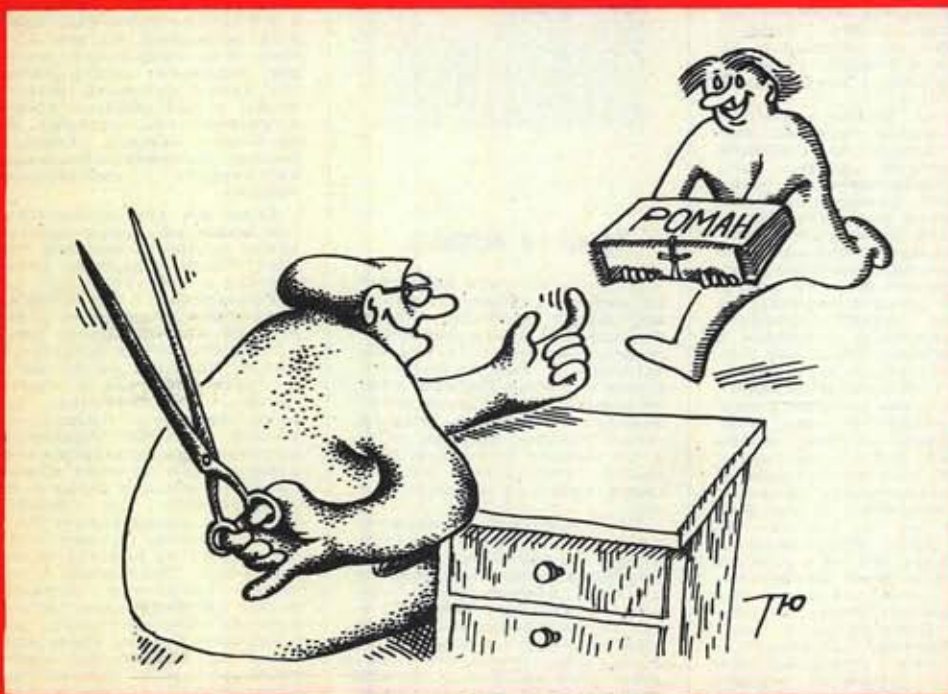

Рисунок Валерия СУДАРЕВА

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

Рисунки Сергея ТЮНИНА

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/II 1975 г. А 00782. Подписано к печати 24/II 1975 г. Формат 70×108¹/₄.
 Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 518. Заказ № 185.
 Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Музыкальная партитура для первого системного отрезка песни. Включает вокальную линию и фортепианное сопровождение. Текст: КА - ТИТ - СЯ СОБИ - РА ДО СКАД - НАМ, И, ИИ - ПОЛ - ИИ - И СВОИ ДОЛГ, ЗА - БЕ НА КАМ - ИИ ДО - ВОД - ИИА ДЕРУГ РАС - ТЕР - ТА - ЕТ ТЕР - ТОК, ИО ОТ - Ю - ЗА.

Музыкальная партитура для второго системного отрезка песни. Включает вокальную линию и фортепианное сопровождение. Текст: ОТ - Ю - ЗА, ОТ - Ю - ЗА ДОС - ИИ - НА - ЕТ О - ИО - О - ТО И - ДО - ИИ - ИО - С, О - ТЕР - РА - СЯ - ИО - Е, ИИ - ДО - ЗА - ИИТ - ИО - И И ВСЕ - СИЛ - ИО - Е, ОТ - Ю - ЗА?

Музыкальная партитура для третьего системного отрезка песни. Включает вокальную линию и фортепианное сопровождение. Текст: ОТ - Ю - ЗА? ОТ - Ю - ЗА? ОТ - Ю - ЗА? ОТ - Ю - ЗА? ОТ - Ю - ЗА? ОТ - Ю - ЗА?

Встретились два человека

Песня из спектакля Центрального детского театра «Молодая гвардия»

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО, участника III Всесоюзного совещания молодых писателей

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

Катится солнце по склонам,
И, выполняя свой долг,
Даже на камне холодном
Вдруг расцветает цветок.

Припев:

Но откуда, откуда, откуда
Возникает оно, это чудо!
Непонятное, очень красивое,
Беззащитное и всесильное...

В вихре летящего века
Вдруг обозначился день.
Встретились два человека
В мире, где столько людей.

Припев.

В грохоте, в свисте и гарн,
В долгом полете Земли
Люди друг друга искали,
Может быть, даже нашли.

Припев.

Кроссворд с пронумерованными клетками для заполнения.

КРОССВОРД

Составил
Б. ВЕРЕНИЦЫН,
г. Москва

По горизонтали:

7. Декоративное дерево. 8. Песня А. Пахмутовой. 9. Выведение улучшенных сортов растений, пород животных. 10. Русский писатель XIX века. 11. Часть текста. 14. Вооруженная охрана. 16. Металл. 17. Курорт на побережье Балтийского моря. 20.

Советский поэт. 23. Осветительный прибор. 24. Земляной орех. 25. Половодье. 27. Дикое парнокопытное животное. 28. Плавильный агрегат чугунолитейных цехов. 29. Область распространения жизни на земном шаре. 30. Северное созвездие.

По вертикали:

1. Автономная советская республика. 2. Общежитие для учащихся. 3. Самая яркая звезда. 4. Пауза в музыкальной мелодии. 5. Наименьшая частица химического соединения. 6. Советская кинокомедия. 12. Абсолютная чемпионка мира по гимнастике. 13. Штат США. 15. Ценная промысловая рыба.

16. Город в Швейцарии. 18. Начальник воинского подразделения. 19. Дробная часть логарифма. 21. Цитрусовое дерево. 22. Защитное приспособление некоторых видов животных и растений. 25. Сообщение о выполнении коллективом плана, принятых обязательств. 26. Персонаж романа М. Горького «Мать».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5.

По горизонтали:

4. Новатор. 7. Садоводство. 10. Летосчисление. 13. Элита. 14. Кремни. 17. Жюкей. 22. Руденко. 23. Пирит. 25. Афоризм. 26. Смесь. 27. Гидропоника. 28. Капри. 31. Граната. 32. Удача. 33. Лулаба. 34. Титан. 35. Примета. 37. Налим. 40. Гаприндашвили. 43. Калининград. 44. Писарев.

По вертикали:

1. Колосс. 2. Лаконизм. 3. Консул. 5. Масть. 6. Звено. 8. Плотина. 9. Реполов. 11. Владиславия. 12. Фенилаланин. 15. Репертуар. 16. Интендант. 18. Фрамуга. 19. Номинал. 20. Пансиала. 21. Амирхан. 24. «Репка». 29. Кабарга. 30. Задание. 36. Мадригал. 38. Сплав. 39. Мираж. 41. Иридий. 42. Шигаев.

